

РЕКОРДНОЕ
ОРУЖИЕ

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЬГИН

РОССИЯ

ЧЕРНО-
БЕЛОЕ
ЗНАМЯ ЗЕМЛИ

Преображенский

Вячеслав Шалыгин

Черно-белое знамя Земли

«ЭКСМО»

2007

Шалыгин В. В.

Черно-белое знамя Земли / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2007 — (Преображенский)

ISBN 978-5-699-22676-4

Простой колонист с планеты Дао совершенно случайно становится свидетелем странного разговора... и вся его жизнь переворачивается с ног на голову. Из законопослушного менеджера он превращается в беглого преступника, за которым охотится вся планетарная полиция... В это же время на Земле начинает работу спецгруппа «Омега», куда входят армейские разведчики и лучшие полицейские метрополии. Ее задача – расследовать деятельность Шанхайского научного центра, вышедшего из-под контроля правительства и явно ведущего опасные для человечества исследования... Загадочным образом участники этих событий, находящиеся друг от друга за тысячи парсеков, оказываются крепко связаны. Однако они даже не подозревают, как распределятся роли в боевике, героями которого они поневоле стали, – ведь сценарий его был создан самым коварным, циничным и дерзким злодеем за всю человеческую историю – таинственным Золотым Драконом...

ISBN 978-5-699-22676-4

© Шалыгин В. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

1. Земля, база группы «Омега», 16 декабря 2196 г.	7
2. Колония Дао, 22 ноября 2196 г.	16
3. Земля, 17 декабря 2196 г.	26
4. колония Дао, 23 ноября 2196 г.	36
5. Земля, Шанхай, 18 декабря 2196 г.	43
6. Орбита колонии Дао, 23 ноября 2196 г.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вячеслав Шалыгин

Черно-белое знамя Земли

Из служебной записки начальника Северо-Азиатского отдела Службы безопасности Земной Федерации:

«...В 2188 году перед человечеством вновь встала проблема перенаселенности Земли. Несмотря на успешное выполнение Колониальных программ, новые территории не могли обеспечить достойное существование большому количеству колонистов. Доступные планеты в Солнечной системе находились на стадии терраформирования, а транспортные рейсы в пригодные для жизни дальние колонии были опасны и дороги. Совет Земной Федерации на протяжении нескольких лет безуспешно искал способ решения проблемы. К 2193 году стало окончательно ясно, что Земля находится на пороге очередного кризиса власти. В сочетании с перенаселенностью этот кризис мог иметь тяжелые последствия, вот почему Совет принял неоднозначное решение начать реализацию сразу трех глобальных проектов.

Первым занимался Шанхайский научный центр (ШНЦ)¹. Подробности этого проекта, как и двух других, были засекречены, но Совет посчитал возможным обнародовать его основную цель: «вдвое снизить активную нагрузку на территории при сохранении численности населения Земли». На просьбы СМИ расширить пояснения Совет ответил отказом, сославшись на внесение проекта в разряд государственной тайны.

Европейская Академия приняла к разработке другую программу: ускорения колонизации ближних и дальних планет с помощью универсальных машин-первопроходцев. Усилиями трех научных групп из Великобритании, Германии и Франции был разработан подробный план исследований и спроектировано оборудование, размещенное в закрытом военном учреждении на территории одной из дальних колоний. Все исследования были также засекречены.

Третий проект разрабатывался Северо-Американским Космическим Университетом, который поставил себе целью на порядок повысить безопасность полетов, а также в десятки раз увеличить грузооборот между метрополией и дальними колониями за счет усовершенствования гиперконтуров космических кораблей. По признанию экспертов, данный

¹ В документе намеренно допущена неточность. Полное название: Научно-исследовательский биотехнологический центр при Шанхайском университете.

проект изначально был наиболее перспективным, что вскоре и подтвердилось на практике.

В 2195 году по ряду причин европейский проект разработки универсальных машин был свернут, а работы североамериканских ученых, наоборот, получили дополнительное финансирование, поскольку со ступеней орбитального сборочного комплекса «Фэнлинь-12» сошли сразу три корабля нового типа, способные преодолевать расстояния до колоний Пояса Освоения в десять раз быстрее обычных судов.

Неясной оставалась лишь судьба «Шанхайского проекта». Более года восточнокитайские ученые под всевозможными предложениями отказывали Совету в инспекции своих лабораторий и полигонов, когда же законное любопытство представителей власти было удовлетворено, их вердикт уже не имел значения. Оказалось, что «Шанхайский проект» давно работает в производственном режиме и через два-три года даст результаты. На вопрос, какие конкретно ожидаются результаты, руководство ШНЦ отвечать отказалось.

Возмущение и протесты представителей Совета Земной Федерации ни к чему не привели. Шанхайский научный центр с легкостью согласился на прекращение федерального финансирования и даже выплатил неустойку. Такое решение устроило юристов, но весьма обеспокоило нашу Службу, Министерство обороны и Полицейское управление. Особенно странным и тревожным мы посчитали тот факт, что после утверждения проекта в Совете все материалы по нему были не только засекречены, но и возвращены разработчикам. В распоряжении федеральных экспертов не осталось никакой информации, кроме туманного пресс-релиза по результатам конкурса 2193 года...

...В соответствии с секретной директивой Совета Земной Федерации №1134 от 03.12.2196 для расследования дела о возможном заговоре и террористической угрозе со стороны ШНЦ была создана межведомственная следственно-оперативная группа «Омега». На сегодня группа полностью укомплектована сотрудниками, получила все необходимое оборудование и прошла инструктаж. Точка базирования группы засекречена. Охрану базы осуществляет специальное полицейское подразделение «Кэндо», прикрытие и тактическую поддержку вне Земли обеспечивают десантные подразделения ВКС и боевая космическая станция «С-54». Прошу разрешения начать разработку дела «Шанхайский призрак».

14.12.2196

Начальник Северо-Азиатского отдела СБЗФ, командир группы «Омега»

А. Воротов

Резолюция: разрешаю.

15.12.2196

Директор СБЗФ Г. Добсон.

1. Земля, база группы «Омега», 16 декабря 2196 г.

Люди предъявляют разные требования к новым местам работы. Кто-то смотрит на отделку, кто-то на размер помещения или его техническое оснащение, а кому-то важнее всего коллектив. Таких людей вообще не волнует обстановка или мощность компьютеров, была бы крыша, стены и хороший моральный климат. Для Алексея Воротова ни одно из этих условий не имело первостепенного значения. «Место работы» он всегда воспринимал не как офис или цех, а как организацию с известной аббревиатурой, вернее – задание от этой фирмы. И благоприятную атмосферу в команде он предпочитал создавать сам, а не дожидаться, когда она возникнет «естественным путем».

Рассуждал Воротов просто. Если задача требует поработать сначала в городе, после нырнуть на дно океана, а затем переместиться на борт космической станции, значит «место работы» триедино, хотя и растянуто в пространстве на несколько тысяч километров. И если кто-то считает иначе, надо ему объяснить, дать шанс, а если не поможет – выгнать упрямца, пусть это будет даже любимец самого директора конторы. И это будет логично. Ведь при составлении анкеты замаскированный под миловидную блондинку робот спрашивает у вас место работы, ожидая услышать название конторы, а не ее географические координаты или адрес в виртуальном пространстве. Хотя в разговоре с коллегой словосочетание «место работы» может иметь и прямое значение.

«Почему нас засунули в такую дыру?! – спросил кто-то из членов группы. Погрузившийся в раздумья Алексей не уловил кто. – Почему нельзя было арендовать офис в Сити? Почему здесь, на Клязьме, да еще в пентхаусе недостроенного здания?!»

Что можно на это ответить? Только одно – для членов группы Воротова место работы является той самой условностью. Специальная группа «Омега» не имела ни базы, ни штаба. Только название и оборудованный по полной программе «шпионскими радостями» челнок. Мотаться «Омеге» предстояло столько, что и не вспомнишь, откуда ты вылетал и куда тебе следует вернуться. И какая в этом случае разница, где находится посадочная площадка для твоего служебного суборбитального челнока: на площади Лужкова в Сити или на берегу Клязьмы в Щелкове?

– Какая разница, где швартоваться? – будто угадав мысли командира, спросил майор ВКС Чижов, представитель Министерства обороны, а заодно координатор действий группы и космодесантной бригады тактического прикрытия.

– А как же высокая продуктивность мыслительной деятельности? – продолжая рассуждать вслух, спросил сразу у всех Джейсон «Пекин» Чу, программист группы, человек с «пасмурным» прошлым, но ясными и хитрыми азиатскими глазками. – Я слышал, что для эффективной умственной работы человеку необходимо находиться либо в состоянии душевного равновесия, либо в необычайно высоком напряжении. Глядя на вид из окна, лично я погружаюсь в состояние глубокого разочарования, а когда оборачиваюсь и вижу голые стены новостройки, вовсе впадаю в уныние. В смертный грех, между прочим, пусть я и не христианин.

– Съешь шоколадку, – посоветовала Люси Мун, лейтенант Федерального полицейского управления, – помогает.

– Что тебя не устраивает? – К Джейсону неторопливо подошел капитан Вальтер Грайс, коллега Люси, только из другого отдела. – Городской пейзаж. Дома, парки, эстакады, дорожные развязки и воздушная разметка. Люди, авто и флаеры. Чем ты разочарован?

– Чем? – Джейсон помотал головой. – Ты еще спрашиваешь чем?! Где свободная хотя бы от одного признака цивилизации земля, где высокое чистое небо без потоков летающих машин

и флай-хаусов, где вода с кувшинками? Этот вид больше напоминает увеличенную в миллиард раз схему компьютера, чем город, где живут люди.

– Ты проводишь слишком много времени в виртуальности. Это там все красиво и мило. А здесь... реально.

– Нет, вид все равно удручающий. – Джейсон вернулся к столу и уселся за него с видом готового к уроку отличника. – В киберсфере все это выглядит лучше, хотя бы красочно, а здесь сплошная серость и мельтешение. Даже тошнит. Кого мы ждем? Родина в опасности, а мы видами любимся! Командир, у нас некомплект умов?

– Ума, – ответил майор Чижов вместо занятого изучением секретных файлов Воротова. Майор развалился в кресле напротив Чу. – Ума и душевного равновесия некомплект. У наиболее активных членов группы. Так что заткнись и помедитируй немного. Наберись хотя бы равновесия.

– Швырнул бы я в тебя этот стол, воин. – Джейсон недовольно поморщился. – Но у тебя наверняка оружие за поясом. Так и быть, живи.

Воротов на секунду оторвался от изучения файлов в виртуальности и запоздало кивнул.

– Ждем шестого. Он на подлете.

– Великолепная шестерка. – Чу сделал вид, что прислушался к звучанию фразы. – Как-то не очень. Почему не семерка? Более традиционное число, в некоторых культурах считается магическим. Совет Федерации выделил мало средств? Майор, тебе сколько пообещали за работу? Ах да, ты же военный, приказ есть приказ, деньги не главное. Люси... а-а, ну да, ты тоже в погонах. Я что, один тут вольнонаемный? Шестой будет тоже из государственных служащих?

– Сколько тебе скостили, наемник? – Чижов усмехнулся. – Вольный он!

– Сколько скостили, все мое, – буркнул Джейсон. – Ты откуда знаешь?

– Догадался. У тебя на руке след от тюремного браслета. Судя по форме отметины, Читинский лагерь для «особо одаренных», угадал?

– Тепло. Синьцзян-Уйгурский округ. Специальная тюрьма для киберпреступников «Аксу-5». Я ведь хакер, забыл?

– И кто тебя вытащил?

– Кто засунул, тот и вытащил, – негромко сказал Грайс. – Пять лет назад я брал его в Ченьчжоу, вот и вспомнил.

– Квалификацию-то не растерял за пятилетку «на белых водах»²? – Чижов снисходительно взглянул на Чу.

– Талант – это заноза в генах, – с напускной важностью заявил Джейсон, – срока хранения у него нет.

Заявление хакера заставило командира группы вновь вернуться к главной теме размышлений. В целом сентенция казалась сомнительной, но в чем-то с Джейсоном Воротов был согласен. Вся группа «Омега» подбиралась им или начальством с его одобрения именно по факту наличия некой «занозы», мотива, который заставит человека идти до конца, чего бы ему это ни стоило. То есть возможную проблему с настройкой на общую волну Алексей устранил загодя и самым надежным методом – с помощью тщательного «искусственного отбора» кандидатов.

В первую очередь выбирать пришлось из списка полиции. Поскольку группа была межведомственной, отказаться от участия хотя бы одного представителя смежной конторы Алексей не мог. Выбор пал на Вальтера Грайса, капитана отдела «13», более известного как «киберполиция». Спокойный до меланхоличности Грайс прославился именно тем, что никогда не бросал начатое, даже если сам начальник отдела комиссар Сигурдсон ставил на деле штамп «без-

² Ак Су (тюрк.) – Белая вода.

надежное». Вальтер на малых оборотах, как древний дизель, ровно и методично отработывал каждую мелочь, каждый штрих и в результате раскрывал девяносто процентов дел.

Алексей мельком взглянул на капитана. Худощавый, с тонкими чертами лица, печальным взглядом и нехарактерными для немца черными как смоль (в пику фамилии)³ волосами Грайс ну никак не тянул на трудоголика. Он больше смахивал на уставшего от светской жизни аристократа, которого не заставишь работать ни за какие коврижки. Вот такая обманчивая внешность. Вдвойне обманчивая, если учесть, что именно он сумел вычислить и арестовать одного из хитрейших хакеров последнего десятилетия Джейсона Чу, ник – «Пекин». Историю их противостояния Сайбервуд даже попытался анимировать, превратив материалы виртуального отражения реальности в отличный блокбастер, но на последнем этапе в дело вмешалась комиссия Совета Земной Федерации по безопасности. Все отчеты по делу были засекречены, а фильм «лег на полку» – слишком уж глубоко в государственные тайны влез легендарный мистер Чу. Кстати сказать, без гарантий Вальтера Грайса Полицейское управление ни за что не согласилось бы на включение хакера Джейсона Чу в состав группы «Омега». Оно и после получения гарантий упрямылось, но Воротов, поверив Грайсу, нажал на свои рычаги, и полицейские сдались. Правда, потребовали расширить присутствие полиции в группе.

Хочешь не хочешь, Алексею вновь пришлось углубиться в списки кандидатов. Тогда-то он и обнаружил досье лейтенанта отдела «22» Люси Мун (вообще-то по документам ее звали Мун Лю Си, но сама девушка предпочитала «адаптированное» имя). На первый взгляд достоинств у лейтенанта Мун было не больше, чем у других кандидатов, но Воротова заинтриговал интересный факт – в течение трех лет она прослужила единственным копом на Колонии Данаэ – новейшей жемчужине в «ожерелье» Пояса Освоения.

Первое поселение на планете было небольшим – около сотни колонистов, обычно на такое количество народу одного полисмена, пусть и зеленой выпускницы Сеульской академии внутренних дел, вполне хватало. Колонисты первой волны, как правило, народ трудолюбивый, мужественный и законопослушный, так что вряд ли с ними возникали проблемы. Но Люси осталась единственным представителем закона и после расширения колонии до тысячи, а вскоре и до семи тысяч человек. У нее, конечно, были внештатные помощники-маршалы, дрейфующая в секторе база ВКС всегда могла прислать помощь, да и патруль Колониальной Экспедиции – полицейской армии Пояса Освоения – наведывался на Данаю не реже раза в планетарную неделю. И все же. Как удавалось маленькой кореянке поддерживать образцовый порядок и законность на вверенной территории, осталось загадкой даже для ее начальства. В досье имелся туманный пассаж о высоких морально-волевых качествах офицера Мун, но конкретных выводов полицейские психологи и кадровики так и не сделали.

По истечении срока службы на Данае Люси получила звание сержанта и перевод в прохладное, но престижное местечко – в Стокгольм, прямиком в штаб Федерального полицейского управления, где очень быстро дослужилась до лейтенанта.

Воротов, всю свою карьеру сделавший «в поле», обоснованно недолюбливал штабных в любой униформе, но против кандидатуры Люси Мун у него не нашлось ни одного возражения. Да он и не искал. Просто вызвал лейтенанта на собеседование и после двухминутного разговора зачислил ее в состав группы. Девушка действительно стала отличным «приобретением». Внешне, как и Грайс, она была вроде бы ничем не примечательна, но внутри у нее имелся тот самый стержень-заноза, который требуется для трудной и опасной работы.

«Опасной? – Воротов скользнул задумчивым взглядом по лицам товарищей. – Я заранее уверен, что дело будет опасным. Почему? То, что Шанхай затеял авантюру, еще не значит, что это нечто опасное. Впрочем, страховка еще никогда никому не мешала. Двойная страховка тоже».

³ Greis (нем.) – седой.

Взгляд остановился на Чижове. Страховкой номер один был именно он: парень типично славянской внешности, среднего роста, но мощный, как большинство космодесантников, вполне уравновешенный и в то же время способный мгновенно отреагировать на любую опасность.

С майором космодесанта Алексей был знаком давно, со времен «Персидского кризиса». Именно Чижев, тогда еще зеленый лейтенант, серьезно рискнув жизнями своих бойцов, да и своей собственной, вытащил агентов Службы безопасности из окруженного здания в центре Тегерана. Но Алексей пригласил Чижова не из чувства благодарности. Кроме того что майор был храбрым солдатом, он умел нестандартно мыслить и отлично разбирался в новинках военно-технической сферы, как материальных, так и виртуальных. Проще говоря, разбирался не только в оружии, но и в программах управления этим оружием. И снова – тоже умел доводить дело до конца.

«Ну, и стреляет он лучше нас всех вместе взятых. Это тоже может пригодиться. Хотя отлично стреляет не только он. Двойная подстраховка значит двойная».

Воротов снова заглянул в насыщенное информацией виртуальное пространство киберсфер Земли и Колоний (в единую виртуальность все киберсферы соединял вездесущий Гипернет). Шестой член группы – страховка номер два – был, пожалуй, самым экзотическим кадром. Не потому, что родился на далеком острове Хоккайдо. В Службе Безопасности Земной Федерации уроженцев дальневосточных островов числилось предостаточно. Необычность «шестого» заключалась в другом. Он был четвертым по рангу офицером самого секретного подразделения СБЗФ – специального отряда «Кэндо». В отличие от оперативных отделов «Альфа», «Моссад», «Тайцзи» и «САС», занимавшихся поиском и ликвидацией очагов экстремизма, каналов наркоторговли и ростков прочей нелегалщины на Земле, группа «Кэндо» имела еще одну немаловажную, хотя малоприятную функцию – она отвечала за внутреннюю безопасность в самой СБЗФ.

«А сотрудников собственной безопасности, как и штабистов, не любят нигде. Хотя, если совесть чиста, причин этому нет и быть не может. И все-таки их не любят. Такая вот экзотика. Казалось бы, маленькая группа, а будет в ней и „свой преступник“, и „свой стукач“. Причем официальный. – Алексей взглянул на часы. – Три минуты до начала совещания. Неужели опоздает? Нет, только не Вакидзаси».

На чем зиждется эта уверенность, Алексей не мог объяснить даже себе. С офицером «Кэндо», имевшим такое экзотическое кодовое имя, Воротов не был знаком. Он вообще никогда не встречался с людьми из этого подразделения. Не было повода, а без повода люди из «Кэндо» не светились. Даже когда оперативный штаб «обрадовал» Воротова, что, кроме десантников, его будут прикрывать еще и японские коллеги, поговорить с кем-нибудь из самураев насчет взаимодействия Алексею не удалось. Штаб «Кэндо» уведомил о времени прибытия своего представителя и сбросил командиру «Омеги» короткое, в два абзаца досье.

«Офицер Вакидзаси (реальное имя и фамилия засекречены), опыт оперативной работы десять лет, боевой опыт – семь лет, Золотая звезда и три благодарности от Президента. Четвертая позиция в иерархии подразделения (что-то вроде полковника), особые полномочия в случае несостоятельности командира группы (обычная формулировка для командировочного предписания сотрудников „собез“), диплом доктора наук».

Последний пункт убедил Воротова, что наверху правильно поняли его замысел – подобрать неординарную команду, и это внушило Алексею дополнительную уверенность в «успехе безнадежного предприятия». Шестеро против крупнейшего научного центра Евразии, да, пожалуй, и всего мира. Шесть к десяти тысячам сотрудников, трем тысячам охранников и бог знает какому количеству сочувствующих затеянной ШНЦ авантюре. Почему бы нет?

В биографии самого Воротова имелись еще не такие страницы. Почитаешь – ахнешь. Шпионский триллер, да и только. Собственно, как раз с такой страницы служебная биография

Алексея Вадимовича «Алекса» Воротова и началась. Чем так не понравился начальству высокий, немного нескладный голубоглазый брюнет, только-только прибывший из Московской академии безопасности, история умалчивает. По прошествии пятнадцати лет безупречной службы Воротов начал воспринимать тот эпизод иначе, не как «подставу», а как суровое, но оправданное испытание, но тогда он был уверен, что его невзлюбили.

По приказу начальника Северо-Азиатского отдела СБЗФ (в финале своей карьеры без колебаний передавшего пост именно Воротову) агента-стажера направили на берега далекой сибирской реки Обь, реанимировать агентурную сеть в Сурнани, на территории, в большей мере подконтрольной местной (мягко говоря, «нелояльной» правительству) полиции, чем федеральным органам правопорядка.

Задание усложнялось тем, что европейцев в небольшом десятиллионном городке набралась бы от силы сотня и любой шаг любого «белого» фиксировался многочисленными «топтунами». Другой на месте Алекса опустил бы руки и провалил задание, даже не начав, но Воротов нашел способ решить эту неразрешимую задачку. В результате сложной комбинации он сумел убедить местные власти, что является идейным борцом с режимом и если не другом Сурнанскому «самоуправлению», то, во всяком случае, не врагом. Дальнейшая деятельность «мятежного европейца» по-прежнему контролировалась местной полицией, но уже совершенно иначе. Ему не мешали, а помогали. Вряд ли предводители Сурнанской «вольницы» верили в успех затеи Алекса – «свергнуть стокгольмских тиранов», но им было просто необходимо иметь хоть каких-то союзников, пусть и полусумасшедших.

После года напряженной работы в «тылу врага» Алекс заручился поддержкой (читай – вычислил) всех ключевых фигур в секретном правительстве Сурнани и уже под этим прикрытием занялся восстановлением агентурной сети. А еще через год именно на основе сведений от Алекса и его агентов оперативный штаб СБЗФ составил, а отряд «Альфа» реализовал план разгрома подполья, для конспирации арестовав среди прочих заговорщиков и Алекса. Таким образом, Воротов был выведен из игры и благополучно возвращен восвояси. С тех пор за ним закрепилось неофициальное ироническое прозвище «Декабрист» и слава человека, фигурально выражаясь, брошенного с моста в ледяную обскую воду, но выбравшегося на берег, причем сухим.

Сам Алекс еще долго сердился на руководство за такую жесткую стажировку, но постепенно остыл и понял, что именно в Сибири выковался его внутренний стержень, закрепилось умение работать в любых нестандартных условиях и доводить дело до конца.

Единственное, чего он тогда так и не понял, – как удалось его начальнику с первого взгляда рассмотреть в стажере все эти скрытые таланты. Теперь, после трех лет в кресле начальника отдела, Воротов знал, как это бывает: смотришь на человека и видишь в его глазах искру. Только и всего. Но раньше Алексей этого не понимал. Может быть, редко смотрел людям в глаза?

Хронометр переключился на отсчет секунд нового часа. Воротов закрыл доступ в киберпространство и шагнул к столу. Одновременно со стороны лифта к столу приблизился шестой член группы. Все-таки не опоздал, хотя летел напрямик из Обихиро, штабного города своей группы.

– Начнем, – кивком поприветствовав японца, сказал Алексей. – В первую очередь познакомимся.

– Мы два дня, как знакомы, – заметил Джейсон. – С вами, Люси и Виктором. А Вальтера я давно знаю. Готов признать, компания приятная, особенно мне нравится лейтенант Мун. Но если быть до конца откровенным, Чижов успел надоест.

– Обернись, – сделав «выразительные» глаза, шепнула Люси.

– А-а, шестой. – Чу обернулся, привстал и протянул Вакидзаси руку. – Привет, я Джейсон.

– Знаю. – Японец пожал ему руку.

– Это имя или ник? – усмехнулся Чу.

– Вакидзаси, – сохраняя невозмутимое выражение лица, сказал офицер. – А ты Джейсон «Пекин» Чу, хакер, осужден на десять лет, отбывал в тюрьме «Аксу-5», срок заменен условным в связи с государственной необходимостью. Выпущен под надзор капитана Вальтера Грайса и лейтенанта Люси Мун. Здравствуйте, господа.

– Конитива, офицер. – Грайс кивнул. – Вы неплохо осведомлены. Вы из «Кэндо»?

– Вы тоже хорошо осведомлены, капитан.

– Я всего лишь предположил. – Вальтер обозначил вялый жест. – Ваш оперативный псевдоним... все слишком очевидно.

– А вот это Чижов, – снова встрял Джейсон, – человек-пуля. Не вздумайте с ним шутить, десантники не в курсе, что такое юмор.

– Обычно группу представляет командир. – Вакидзаси холодно уставился на хакера. – Ты командир?

– У-ух. – Чу обнял себя за плечи и потер, будто бы спасаясь от озноба. – Я дрожу. С чего бы это? Люси, ты открыла окно?

Чижов заворочался в кресле, явно намереваясь отвесить паясничавшему Джейсону оплеуху, но Алексей остановил его, незаметно тронув за руку. Реакция командира не ускользнула от внимания Вальтера и Люси, и они тоже сохранили нейтралитет. Воротов с интересом взглянул на Вакидзаси.

– Здесь не холодно, – ровным голосом сказал японец. – Ты дрожишь от страха, Джейсон Чу.

– Точно! – Пекин залился смехом, но ненадолго. Никто его не поддержал, а в полной тишине смех звучал неуместно.

Джейсон оборвал смех и, хмыкнув для порядка еще пару раз, умолк. Выдержка и скрытая ирония Вакидзаси, похоже, произвели на него должное впечатление.

– Ну что ж, будем считать, познакомились, – констатировал Воротов. – Теперь начнем. Ровно сутки назад вы все получили секретные пакеты с установочными данными. Надеюсь, прочли? Какие есть вопросы?

– Половину не понял, – буркнул Джейсон. – Кто это писал, Достоевский?

– Вон из класса, двоечник. – Чижов открыл доступ в киберпространство и выделил-подвесил строку из секретного файла так, чтобы ее объемная проекция была видна всем. – Здесь написано, что Шанхайский научный центр все-таки дал добро федералам на инспекцию своей территории и виртуальных отражений, но ничего не сказано о результатах.

– Слеп? – опять вмешался Джейсон. – Читай дальше: «инспекция опоздала».

– И что это значит?

– Вопрос правомерен, – сказал Алексей. – То, что инспекция опоздала, – слишком общая фраза. Если конкретно, эксперты Совета Федерации не нашли вообще ничего, ни одного файла или материального свидетельства, что на территории Шанхайского центра занимаются исследованиями по утвержденному два года назад проекту. Учитывая, что о сути «Шанхайского проекта» мало кто знал тогда и практически никому ничего о нем не известно сейчас, вывод можно сформулировать еще образнее – тема прошла мимо Всемирной Академии наук. С чего началось, как развивалось и чем закончилось трехсотмиллиардное двухлетнее исследование, для нас абсолютная загадка. Вроде бы все удалось и дело было поставлено на поток. Но подробностей никто не знает.

– Полный... фэншуй! – восхитился Джейсон. – Украли триста миллиардов, а никто ни сном, ни духом?! Даже я так не умею.

– Но хоть что-то должно быть, – сказал Грайс. – Хотя бы одна зацепка. Маленькая, микроскопическая, незначительная на первый взгляд. Какой-нибудь чек, накладная, счет за кофе и гамбургеры.

– Это здесь при чем? – удивился Чу.

– Если в конторе официально работают пятеро, а кофе выпито на десятерых, это кончик ниточки, – пояснил Вальтер. – Накладные на поставку расходных материалов или реактивов – это вообще кладезь информации.

– Лучше уж сразу заполнить схемы отдела логистики, – хмыкнул Джейсон. – Куда, кому и сколько отправлялось продукции. Что, кстати, конкретно мы ищем? Хоть какие-то предположения имеются?

– У Шанхайского научного центра нет узкой специализации. Но нам известно, что «Шанхайский проект» не имеет отношения к точным наукам, электронике или машиностроению. Вряд ли он связан и с астронавигацией. Скорее всего, исследования проводились в химико-биологических лабораториях. Вероятно, они связаны с человеком, ведь конкурс был призван найти средство от перенаселенности.

– Точная регулировка рождаемости? – предположил Вальтер. – У Китая в этой области солидный опыт.

– Неизвестно. – Алексей сдержанно качнул головой. – Не будем гадать.

– Разрешите? – негромко спросила Люси.

У нее был приятный мягкий голос, а слова получались, казалось, «объемными». Понять, в чем тут фокус, было трудно, но звучало это красиво, даже немного завораживающе. Воротову было отлично видно, что охотнее всех этим чарам поддавался Вальтер Грайс.

«В принципе, ничего плохого. – Алекс еще раз взглянул на млеющего, но тщательно скрывающего это Вальтера. – Если не будет мешать работе».

– Говорите, лейтенант.

– Почему нельзя спросить у экспертов, утверждавших проекты два года назад?

– Да, действительно, – подхватил Пекин. – Это же логично. Почему?

– Из десяти членов экспертного совета лишь трое находятся в данный момент на Земле, – ответил командир. – Еще трое, к сожалению, скончались, а оставшиеся четверо улетели в Колонию, предварительно сменив сетевые координаты.

– Очень интересно, – проронил Вакидзаси. – Смена координат подозрительна.

– Да. И надежна. Найти человека в Поясе Освоения, не имея его идентификационного шифра или хотя бы ника, почти нереально. Миграция колонистов между колониями и метрополией, а также между самими колониями всегда имела грандиозные масштабы, несмотря на технические сложности. А с выходом на линии новейших кораблей эти масштабы выросли многократно. Миллиарды людей перелетают с планеты на планету в среднем по десять-двенадцать раз в год. Причем в произвольном порядке. Искать пропавших экспертов так же бесполезно, как ловить сорвавшуюся с крючка селедку в океане.

– Очевиден злой умысел, – заметил Вальтер.

– К сожалению, этот факт нам не поможет.

– Но трое экспертов до сих пор на Земле, – напомнила Люси. – Мы можем их допросить?

– Теоретически. – Воротов потер висок. – Один из них, профессор Пак, находится сейчас в Стокгольме, но категорически не желает разговаривать.

– Разве нельзя его заставить? – удивился Джейсон. – Вызвать повесткой или отправить к нему следователя в сопровождении парочки грозных приставов, разве нельзя?

– Без санкции суда? Нет. А суд такую санкцию не даст. Пак не может считаться свидетелем, ведь дело мы до сих пор не завели – нет фактического материала, и он не подозреваемый, а значит, вправе послать нас куда подальше.

– Как все сложно. – Чу поморщился. – Хотите, я заставлю его говорить? Я же преступник, плохой парень, мне санкции суда не нужны.

– Нет. – Алексей покачал головой. – Еще двое экспертов недоступны по состоянию здоровья. Один, доктор Строу, попал в аварию и сейчас в коме. Когда выйдет и выйдет ли вообще – неизвестно. Другой, доктор Фостер, лечится от алкогольной зависимости и на данную минуту неадекватен.

– Спившийся ученый, как это печально, – вздохнула Люси. – К сожалению, не редкость.

– Майк Фостер, австралиец, доктор медицины? – уточнил Вальтер. – Я знаю его лично. Он никогда не пил. Даже пива.

– Вау! – негромко выразил чувства Джейсон. – Детектив! Международный спрут устраняет свидетелей.

– Вот вам и зацепки, – сделал вывод Вальтер.

– Не вижу, что из этого можно выжать, – усомнился Воротов. – Да, в Шанхае что-то не так, это нам известно. Косвенные данные говорят о серьезном заговоре. Устранение свидетелей выглядит вполне логичным шагом, но понимание деталей не приближает нас к пониманию всего замысла заговорщиков.

– Если вы дадите мне время на размышление, я найду, что из этого можно вытащить, – уверенно пообещал Грайс (боковым зрением явно наблюдая за реакцией Люси).

– Размышляйте, капитан. – Алексей перевел внимательный взгляд на Вакидзаси. – Что скажете, офицер?

– Скажу, что вы недооцениваете значение нуля, командир.

– Не понял, – удивленно поднял брови Воротов. – О чем вы?

– То, что на территории Шанхайского центра нет материальных улик, означает лишь одно – они есть в других лабораториях. Думаю, эти лаборатории разбросаны по всей Земле и, возможно, по нескольким наиболее крупным планетам-колониям. Стоит проверить.

– Возможно, – согласился Воротов. – А как быть с отсутствием файлов?

– Необязательно хранить файлы в виртуальном отражении центра. Разумнее спрятать их мозаикой в разных уголках киберсферы, а код доступа, то есть «сборки мозаики», поместить сюда. – Вакидзаси постучал пальцем по виску. – Не так ли, Джейсон?

– Надежнее всего сбросить данные на инфокристалл, упаковать кристалл в свинцовый ящик и отправить эту «посылку» почтовой ракетой в сторону Солнца, – с интонациями эксперта, обучающего пятиклашек... ответил Чу и подкрепил слова сомнительным жестом. – Где бы вы ни хранили данные, их можно украсть. Дайте мне нормальный доступ в киберсферу и сутки времени, я соберу вам любую «мозаику».

– Если вы будете знать, что ищете и где это следует искать, – сказал Вакидзаси.

– Офицер Вакидзаси прав, – согласился Алекс. – Подведем промежуточные итоги. Ваше слово, майор Чижов.

– Надо еще раз заглянуть в Шанхайский центр, – пожал плечами майор. – Там будет видно.

– Хорошо. Капитан Грайс?

– Я бы внимательно изучил текущую информацию в киберпространстве. Все, что касается Шанхайского центра и смежных учреждений.

– Это очень большой объем. – Воротов покачал головой. – Люси?

– Надо попытаться убедить профессора Пака пойти на контакт. Как запасной вариант – найти еще кого-то из экспертов.

– Не думаю, что это реально – как первое, так и второе, но попробовать стоит. Джейсон?

– Надо все-таки влезть в виртуальное отражение центра и внимательно изучить систему, протоколы, реестры. Если их чистили, попробовать разобраться, в связи с чем, и так далее. Короче – рутина, но информации можно нарыть больше, чем в «Ворлд Таймс».

– Годится. Вакидзаси?

– Эксперты констатируют, что видят. Если видят ноль, так и записывают. Нам же следует копать глубже. В Стокгольме должны быть люди, которые знают о «Шанхайском проекте» главное. То, что спрятано ниже нуля.

– Предлагаете допросить министра науки?

– Поговорить, – уточнил Вакидзаси, – с ним или его заместителем.

– Годится. – Алексей встал. – Все ваши предложения в той или иной степени разумны и будут приняты к сведению. Но начнем мы, как предложил Чижов, с разведки. Вальтер, Люси, сумеете сыграть парочку туристов?

– Я бы смог, – заерзал Джейсон, – вместо Вальтера.

– Ты будешь их страховать.

– Сыграем, Алекс. – Грайс торопливо кивнул, но тут же спохватился и снова надел привычную маску скептика. – Хотя, должен сказать, трюк шит белыми нитками.

– Я так не думаю, – возразила Люси. – Вы бывали в Шанхае, Вальтер?

– Давай на «ты», раз уж мы парочка. – Грайс «устало» вздохнул. – Нет, милая, не был, поэтому туда и собираюсь.

– Шанхай не просто город, мой дорогой, это туристический рай. Ежедневно его реально посещают до ста миллионов гостей со всего света. А сколько туристов путешествуют по его достопримечательностям виртуально – вообще не сосчитать. Нам обязательно надо туда съездить. Побывать в знаменитом морском порту, поплавать на катамаране по озеру Тайху, прогуляться по торговым кварталам в Миньхане и, конечно, увидеть грандиозный научный район Сучжоу с его жемчужиной – Шанхайским исследовательским центром.

– Из тебя выйдет хороший гид – Грайс протянул Люси руку. – Договорились, слетаем на денек в рай.

2. Колония Дао, 22 ноября 2196 г.

Как бы ни старались колонисты сохранять традиции метрополии, планета вносит в жизнь новых обитателей свой колорит. Именно сама планета, а не крайняя удаленность колонии от метрополии или трудности периода освоения. Расстояния при современном развитии гиперсвязи не так уж и важны, а трудности – дело привычное, их хватает и на Земле. Остается сама планета. Даже если «шарик» до неприличия похож на Землю, хотя бы мелкие отличия все равно найдутся и серьезно повлияют на жизнь пришельцев.

О чем, собственно, речь: когда земляне впервые ступили на поверхность Дао, им показалось, что никакого перелета через световые барьеры попросту не было, что в действительности корабли перенесли их в далекое прошлое родной планеты. Девственный мир изобилует растительностью и всевозможной живностью, поразительно напоминающей земную. Классифицируя местные формы жизни, ботаники и зоологи лишь разводили руками и недоверчиво причмокивали. Ничего более удивительного они не видывали даже на Терции, до освоения Дао считавшейся наиболее точной копией Земли. Вдвойне удивительно было то, что обе планеты вращались вокруг почти одинаковых звезд в одном секторе Галактики. Теория о запредельной редкости планет земного типа получила сокрушительный удар, но поскольку в следующие двадцать лет новых «земель» найдено не было – устояла. Тем не менее феномены Терции и Дао послужили мощным толчком к дальнейшему изучению дальнего космоса и превращению «космического хуторка» под названием Солнечная система в своего рода «деревеньку» из двух десятков «домишек» на окраине Галактики. «Домишки» были разной степени удобства, но их объединяло главное – их первые жильцы, все как один, были уроженцами Земли.

И самым комфортабельным домиком на окраине была все-таки Дао, а значит, – возвращаясь к теме – именно на этой планете у колонистов было меньше всего поводов менять привезенный с метрополии уклад жизни. Но жизнь не стоит на месте, все ее компоненты развиваются от простого к сложному, и поскольку другая планета есть другая планета – развитие идет необязательно в точном соответствии со «спущенным сверху» генеральным планом. В силу схожести с Землей колония Дао довольно долго оставалась кусочком праматери Азии в Поясе Освоения, но через полвека самостоятельной жизни изменилась и она.

Началось все с того, что расселение колонистов по обширному Южному континенту создало трудности в общении. Естественно, на выручку пришла электронная сеть и созданное впоследствии на ее основе виртуальное пространство – точь-в-точь земное. Однако если на перенаселенной Земле виртуальность была неотъемлемой частью реального мира, его подробным информационным отражением, на Дао она стала чем-то большим, в первую очередь – единственным средством оказаться в гуще событий, в толпе, в водовороте бурной жизни. Исключение составляли только крупные города, такие как Новый Люйшунь или Циньдао, в них с толпой и событиями был полный порядок и виртуальность не перегружалась, работала лишь «зеркалом мира», как и на всех цивилизованных планетах. Население же других территорий росло не так быстро, и для него виртуальность очень долго оставалась именно «центром событий», зачастую приукрашенных или вовсе вымышленных. В реальности люди трудились на своих фермах, заводиках и рудниках в разбросанных по континенту мелких городишках, а попав в виртуальность (или, как это называлось в метрополии, – киберсферу), они становились праздной толпой на довольно компактном и удобном континенте-призраке. Здесь можно было развлечься, поговорить, узнать новости и просто посмотреть на новые лица. После трудных рабочих будней с одними и теми же опостылевшими физиономиями вокруг лучшего отдыха желать было невозможно.

Постепенно весь Южный континент превратился в довольно густонаселенную территорию, и былые проблемы, казалось, потеряли остроту, но привычка – вторая натура. Страсть к приукрашиванию виртуальности стала чем-то вроде привычки снимать обувь – нормой жизни.

Обычно любая неоднозначная привычка имеет и приверженцев, и противников, но виртуальность конца столетия сумела найти компромисс, устроивший всех. Странников достоверного отражения реальности в киберсфере удовлетворил «закон о виртуальной правде», как его окрестили журналисты, а приверженцев «красоты без ограничений» порадовал принцип «вседозволенности с красной меткой». Именно этим специфическим «двуединством» киберсфера Дао в корне отличалась от полностью достоверного (если не брать в расчет вездесущую рекламу и несуществующие в реальности специальные игровые зоны) киберпространства метрополии и других солидных планет.

Человек на Дао, как и везде, мог выпасть из реальности полностью, но остаться в абсолютно тех же декорациях, только «умеющих» подсказывать, помогать, рекламировать или же всячески потакать прихотям хозяина виртуальности, но мог оказаться в некоем «совмещенном» пространстве, где материальные объекты искусно приукрашивались виртуальными деталями, помеченными специальными красными марками. Например, реальный дом становился маленьким дворцом (с клеймом в виде микроскопического красного дракончика на фасаде), а дешевое авто популярной марки «Шери» превращалось в роскошный, хотя и небольшой «Грейт Уолл» (тоже с меткой на лобовом стекле). Себя при таком варианте доступа в киберсферу можно было сделать голубоглазым блондином, а жену – писаной красавицей, жаль при тех же габаритах. Где ставилась красная метка в этих двух случаях – история умалчивает.

«Совмещенный самообман» был чрезвычайно популярен в народе, но люди, мыслящие более-менее трезво, предпочитали четко разделять виртуальность и реальный мир. Можно сказать, жили по столичным канонам. Нужна информация, связь или развлечения – коснулся гейм-порта и вошел в киберсферу. Получил, что хотел, – вышел. Никаких совмещений и украшательства. В основном это были преуспевающие граждане, способные реально приобрести минидворец или дорогую машину и жениться не на соседской дурнушке, а выбрать себе невесту по каталогу престижного брачного агентства.

Старший менеджер торговой фирмы Чжен Линфань пока не был настолько обеспеченным человеком. Он мог позволить себе лишь уютную квартиру в доме напротив представительства автогиганта «Ченфенг», практически в центре Циньдао, и новую модель флаера «Хафей». Для молодого человека его возраста достижения были серьезными, и все же пока Чжен Линфань не причислял себя к заветному «среднему классу». Вот когда годовой доход составит хотя бы пятьдесят... нет, лучше шестьдесят тысяч, можно будет всерьез думать о собственном доме и, возможно, женитьбе. По правилам фирмы после тридцати пяти лет мужчина должен иметь семью и хотя бы одного ребенка. У Чжена в запасе оставалось еще несколько лет, казалось, можно пока расслабиться, но Линфань всегда был ответственным и дальновидным молодым человеком. Пусть не «всерьез», но задумывался о будущем он уже сейчас. В частности, поэтому и не забивал себе голову глупостями вроде «совмещенных» интерьеров и «замаскированных» подружек. Окружающая действительность, по мнению Линфаня, должна была напоминать ему о главной цели – сделать карьеру и добиться реальных (во всех смыслах) результатов.

И все же Чжен не был занудой-карьеристом. Он был нормальным парнем, которому не чуждо ничто человеческое. Это значит, что по вечерам он не пропадал за составлением бизнес-планов, изучением трудов по теории экономики или анализом скрытых от обычных пользователей программных закоулков киберсферы. Иногда Линфань выбирался в парк, нередко забредал в спортивные залы, а раз в неделю, как это было принято среди молодых людей его круга, посещал виртуальные вечеринки, на которых, если честно, Чжену было ужасно скучно. Все эти бессмысленные беседы под грохот музыки, кривляния на танцполе, бесконечные пере-

езды из одного ночного клуба в другой Линфаня больше утомляли, чем развлекали. Но так полагалось, и он терпел.

Сегодня вечеринка не заладилась с самого начала. Виртуальный клуб «Хуанши» атаковали какие-то хакеры, и в танцполе образовалась «натуральная» волчья яма – с шипами на дне и скользкими земляными краями. Прежде чем сисадмин устранил дефект, в яму свалились трое посетителей, что вызвало жуткий скандал. Пострадавшие требовали компенсации и разбирательства, почему произошел этот сбой и какая фирма вместе с клубом должна понести наказание, но виновных, естественно, так и не нашли, хотя догадок было высказано много.

Линфань, например, подозревал, что артефакт в виде волчьей ямы – кусок рекламы. В виртуальности активно рекламировалась новая игра «Охотники восточных островов», и, судя по качеству проработки деталей, яма была частью демо-ролика. Какой шутник так аккуратно вырезал ее из ролика и вставил в программу танцпола – вопрос не к дирекции клуба и уж тем более не к разработчикам «Охотников». Все это прекрасно понимали, но скандалы считались пикантной деталью вечеринок, поэтому частенько устраивались вовсе на пустом месте, а тут такой повод! В общем, развлеклись, хотя и за счет частичной потери настроения.

Шанс исправить настроение оставался, но все-таки вечер был обречен, это стало ясно, когда компания Линфаня переместилась в «Шаосин», по словам администрации, имеющий «в высшей степени надежную защиту от взлома». Не успели новые посетители поздороваться с теми, кто приехал раньше и еще не убыл в следующий клуб, как «сверхзащищенное» заведение попросту исчезло. Базовая программа мгновенно заменила взломанный дансинг резервной копией, но перезагрузка окончательно и бесповоротно испортила друзьям Линфаня настроение, и они, решив, что сегодня над любыми развлечениями висит заклятье злого духа, «разошлись по домам». Неизвестно, как другие, а Чжен Линфань сделал это с большим удовольствием.

Чжен закрыл программу и, потягиваясь, поднялся с кресла-массажера. Вибрирующая мягкая мебель не позволила никаким частям тела затечь, и потянулся Линфань скорее рефлекторно, просто чтобы почувствовать конечности. В комнате было темно, но Чжен не торопился зажечь свет. Он так редко бодрствовал ночью!

Линфань задумался. Практически никогда не бодрствовал. Бывало, блуждал в виртуальности допоздна, после чего засыпал прямо в кресле, бывало, увлекшись, бродил в киберсфере и вовсе до самого рассвета, но почти всегда выходил из царства сна или из мира иллюзий с восходом. Реальная ночь была для него понятием отвлеченным. Темное время суток, время для отдыха, не более того. Мысль побродить по ночному городу или полюбоваться на реальные звезды казалась Линфаню дикой и нерациональной. Чем отличается настоящий ночной город от виртуального? Темными закоулками? И что в них интересного? Грабители с дубинками? А звезды в программе «Астрономия для всех» видны гораздо лучше, чем из окна. И вообще, чтобы хорошо работать днем, ночью надо спать. Разве не очевидно?

Линфань добрал до спальни и растянулся на кровати. Кресло креслом, а здесь спать было приятнее. Чжен зевнул.

«Отличная кровать. Ей бы еще функцию вибромассажа!»

Будто угадав желания хозяина, кровать вдруг мелко задрожала.

«А это что такое? Материализация мысли?»

Линфань прислушался к ощущениям. Странно. Он явственно ощущал мелкую вибрацию. Матрас ее почти гасил, но она была. И в приоткрытое на ночь окно влетали странные звуки, очень похожие на звуки дневного города. Здесь было и тонкое посвистывание воздуха, рассеяемого летающими машинами, и едва слышное шуршание шин авто, и мерный гул голосов, и еще множество звуков, составляющих стандартный шумовой фон любого мегаполиса.

Чжен взглянул на часы. Полночь. Кому не спится в такое время? Нет, если подумать, много кому могло не спаться, ведь не все такие «жаворонки», как Чжен – рано встают и рано

ложатся, – но не слишком ли много «сов» выпорхнуло на ночные улицы? Или сбои в виртуальности коснулись всех «клубных» программ и теперь люди ищут развлечений в реальном мире?

В общем-то, это было не важно, но перевернуться на другой бок и спокойно уснуть Чжен не сумел. Любопытство прогнало сон и настоятельно требовало выглянуть в окно. Только и всего! Выглянуть и снова лечь. Не так уж много.

Линфань, недовольно кряхтя, сел на кровати и жестом приказал домашней программе открыть жалюзи. Света от фонарей за окном, вопреки ожиданиям, было мало, а разноцветных светлячков габаритных огней и отблесков фар летающих машин не было видно вовсе.

«Показалось», – решил Линфань, собираясь снова завалиться на подушки, но в следующую секунду за окном что-то хлопнуло, и он резко изменил свои намерения. Поднявшись, он осторожно подошел к окну и выглянул на улицу.

Реальный ночной город выглядел вовсе не так красиво, как его виртуальная копия. Почти никаких рекламных голограмм, редкие фонари, едва тлеющая воздушная разметка, далекие, как звезды, огни парящих в поднебесье кварталов флай-хаусов и молочно-белые цепочки ограничительных ламп на автодорогах и виадуках. Примерно в таком же режиме работало городское освещение в пасмурные дни. Отличие заключалось лишь в том, что «светофорная» подсветка дорог днем переключались по другому алгоритму, да воздушная разметка перераспределяла потоки флаеров втрое активнее. Хотя...

Линфань присмотрелся повнимательнее. Казалось, что фонари и другие осветительные приборы на земле барахлят, они мигали в каком-то рваном ритме. Неужели сбои в виртуальности были следствием сбоев в энергоснабжении?

Чжен открыл окно пошире. Звуков стало больше, и это явно были звуки пролетающих мимо флаеров. Линфань снова взглянул вниз. Вот в чем была причина! Огни на автострадах не мигали, их то и дело заслоняли пролетающие перед глазами Чжена машины.

«Но как так?! – изумился Чжен. – Почему эти флаеры не включают фар или хотя бы габаритных огней? Все, как один, летают с включенными приборами ночного видения? Зачем? Такой вид ночных забав? А если кто-нибудь не справится с управлением и рухнет или врежется в здание?»

Чжен обернулся и поискал взглядом купленную недавно камеру. В обыденной жизни никакой необходимости в этой штуковине не было, любые фильмы можно было снимать в виртуальности – просто щелкнул пальцами, и пошла запись; хочешь – «от первого лица», хочешь – «от третьего». Но руководство фирмы наградило Линфаня путевкой на заповедные острова в Кантонском море, а в тех местах с виртуальностью имелись некоторые проблемы, да и реальный мир там был настолько интересен и малоизучен, что турфирмы рекомендовали брать с собой личные компы с автономными камерами. «Станьте первооткрывателем!» – так звучал рекламный лозунг этих туров.

Чжен подошел к шкафу и нащупал лежащую на полочке камеру. Насколько он помнил инструкцию, снимал этот гаджет в трех режимах, в том числе и – инфракрасном.

Линфань вернулся к окну и включил камеру на запись. Над приборчиком зажглась объемная проекция экрана. Полсекунды камера выбирала режим съемки, потом секунду корректировала фокус, а потом... Чжен Линфань удивленно ахнул.

Ничего подобного он не мог даже предположить. В ночном городе кипела далеко не ночная жизнь. Компьютер обработал изображение, придав ему нормальный цвет и достаточную яркость, отчего все происходящее превратилось во вполне обычный эпизод полуденной городской суеты. Вот только цифры в углу изображения говорили об обратном. Половина первого ночи! И еще высвечивалась служебная пиктограмма съемки в ночном режиме. А между тем...

Линфань выключил камеру, торопливо оделся, трансформировал корпус приборчика в своеобразные «очки», нацепил их на нос и, бросив в пустоту – «лифт», выбежал из квартиры.

Лифт подошел быстро. Через полминуты Чжен уже стоял на лестнице парадного, едва успевая удивленно вертеть головой.

Толпы людей, вовсе не сонных, а вполне бодрых и деловитых, сновали по тротуарам, переходили, подчиняясь невидимым сигналам погасших «зебр», через мигающую тусклой желтой подсветкой дорогу, о чем-то разговаривали, заходили в двери всевозможных заведений (хотя на большинстве дверей горели надписи «закрыто») и вообще вели себя как обычная дневная толпа.

По «желто-мигающему» первому уровню проезжей части улицы, шурша шинами, раскатывали авто, причем плотность потока тоже вполне соответствовала дневной норме, но фары никто из водителей не включал. А загадочнее всего было то, что при торможении у машин не зажигались стоп-сигналы.

Линфань запрокинул голову. По второму, нормально освещенному фонарями сверху и подсвеченному снизу зеленым, уровню автострады машины тоже проезжали, но редко, и как раз у них фары горели (хотя реальной необходимости в этом не было), а «стопы» реагировали на нажатие педали тормоза как обычно. Что происходит на третьем этаже виадуков, Чжен не видел, но мог предположить – то же самое, что и на первом. Ведь там было темно.

Движение транспорта по воздушным уровням рассмотреть с земли было нереально, однако ни лун, ни звезд Чжен Линфань практически не видел, их заслоняли мельтешащие темные пятна.

Тяжеловатая для очков камера-трансформер сползла на лоб, и Линфань сообразил, что может рассмотреть ночной мир более детально, если снова включит расчудесный приборчик. Так Чжен и поступил... и тут же пожалел об этом.

Расцветенный компьютером «темный мир» пугал даже больше мельтешения теней, доступного обычному человеческому зрению. Если бы Линфань смотрел запись, не зная, что она сделана за полночь, увиденное его бы решительно не впечатлило. Но Чжен смотрел не запись, а репортаж в реальном времени!

Линфань повторил все то, что проделал в последние три минуты. Толпа... мало изменилась, разве что одежды приобрели расцветку, по большей части темных и холодных тонов. Светофорная подсветка дорог... да, это можно было предположить. Мигающий желтый сигнал никак не был связан с работой «красного» и «зеленого». Они работали в инфракрасном режиме, в нормальном ритме. Понятное дело, без цвета, но странным ночным водителям было достаточно иного вполне понятного алгоритма: зажглась инфракрасная подсветка дороги – стой, погасла – продолжай движение. Со стоп-сигналами и фарами авто, а также габаритами флаеров история повторялась. Они работали в том же инфракрасном режиме.

Линфаня толкнули какие-то прохожие, и парень пришел в себя. Правда, не до конца. Картины ночной жизни основательно выбили его из колеи, и чтобы снова в нее войти, требовалось как-нибудь встряхнуться. Чжен в сотый раз оглянулся и решил пройтись в бодрой ночной толпе хотя бы до угла дома.

За углом, на широком освещенном проспекте Линфаня ожидало новое откровение. Ничего похожего на «ночной день» здесь не было! По тротуарам бродило несколько десятков обычных вялых полуночников, в дверях открытых круглосуточно супермаркетов и баров стояли зевающие охранники, а транспортный «поток» мог претендовать от силы на «ручей».

Чжен невольно обернулся. Улица за спиной по-прежнему кипела «темной жизнью». Фокус заключался в том, что проспект являлся частью второго транспортного уровня, а первый уровень за несколько метров до перекрестка нырял в трубу проложенного под проспектом тоннеля. То есть темная и светлая жизнь не пересекались, расслаиваясь, как водка и томатный сок в «Кровавой Мэри».

Мысль о коктейле подтолкнула Чжена к дверям ближайшего заведения в модном «земном» стиле. Обилие заведений «европейского» образца на китайской колонии было, с одной

стороны, продуктом глобализации, а с другой – данью старинной традиции, пришедшей из тех древних времен, когда Сянган еще был Гонконгом, Аомынь – Макао, Тайвань – Формозой, а о глобализации никто и не помышлял. На заре современной эпохи во всех «заморских территориях» традиции Европы как-то сами собой смешивались с национальным китайским колоритом и создавали неповторимую атмосферу соединения, причем довольно гармоничного, противоположных стихий. Когда же пришла пора освоения космических колоний, история повторилась, только в несколько ином масштабе. На Дао традиционные ресторанчики вполне уживались с барами, пабами и кафе, а люди свободно говорили как на колониальном китайском, так и на торговом английском.

Ну, и пили на колонии, соответственно, все, что угодно: от рисовой водки до темного пива, виски и текилы. Линфань почти не пил спиртного, но сейчас что-то подсказывало ему, что лучше выпить, чем сойти с ума.

Охранник бросил на запоздалого посетителя короткий взгляд и жестом потребовал снять «очки».

– Снимать запрещено.

– Да, конечно. – Чжен торопливо спрятал камеру в карман. – У вас все за наличные или я смогу расплатиться через гейм-порт?

– Откуда я знаю, сможешь ты расплатиться или нет? – буркнул охранник. – Не сможешь, вышвырну, и весь разговор.

Линфань прошел к барной стойке и уселся на неудобный высокий табурет. Полусонный бармен скрыл зевок и медленно, будто бы нехотя, подошел к посетителю.

– «Кровавую Мэри», – неуверенно сказал Линфань, – если можно.

– Замужнюю?

– Что?

– Солить? – Бармен постучал корявым пальцем по стойке.

– Что? – Линфань замешкался. – А-а, нет, без соли.

Бармен, не двигаясь с места, повторил жест. До Чжена наконец дошло, и он прижал ладонь к якобы отполированной локтями «деревянной» стойке. Видимо, бармен остался доволен состоянием лицевого счета клиента, но все-таки заранее снял через гейм-порт сумму за коктейль и, похоже, столько же чаевых.

«Бывает, и богатенькие не платят, – как бы говорила его кислая мина, – и чем богаче клиент, тем выше вероятность».

В ожидании напитка Чжен украдкой оглянулся по сторонам. Публики в баре было мало. Пять-шесть завсегдатаев и две скучающие девицы, судя по одежде и воинственному макияжу – охотницы за привидениями типа Чжена Линфаня. Почему за привидениями? Да разве нормального живого человека занесет в такой час в такое местечко?

Вопреки предположению, на Линфаня «охотницы» почему-то не обратили никакого внимания. Завсегдатаи тоже. Будто он и вправду был призраком. Все это было как-то странно.

– Ваша «Мэри», господин Линфань. – Бармен поставил стакан на чистую салфетку. – Что-нибудь еще?

– Откуда вы узнали... – Чжен осекся. – А, ну да, я же заплатил... через гейм-порт. Но я не хотел бы...

– Вы не хотели, чтобы ваше начальство узнало об этом походе в бар? Не волнуйтесь, господин Линфань, деньги сняты со второго счета. Движение средств по нему бухгалтерией вашей фирмы не отслеживается. Ну, так что-нибудь еще?

– Спасибо. Нет, пока ничего не надо. Впрочем... скажите, вы не замечаете ничего странного?

– Чего странного? – бармен отвел взгляд. – Сегодня на одного посетителя больше, чем обычно. Больше ничего.

– А то, что происходит на улице, за углом, вы видели?

– Нет. – Бармен напряженно запыхтел. – Я по ночам не гуляю, темноты боюсь с детства.

– А если я вам скажу, что там творится нечто... непонятное, но интересное. Что там кипит жизнь, причем как днем. Ездят машины без фар, ходят, абсолютно не спотыкаясь в крошечной темноте, люди. Работают офисы, магазины, заведения, но при этом нигде не зажигается свет. Что вы на это скажете?

– Только одно, господи Линфань, – бармен вдруг сделался каким-то колючим, будто ерш, – скажу, что вы не в себе.

– А если я покажу вам запись?

– Покажите ее кому-нибудь другому. – Бармен начал не на шутку заводиться. – Записей в вашем любимом киберпространстве вы можете откопать сколько угодно, но меня они не заинтересуют, даже если это будет самое захватывающее порно.

– Но это реальная запись! Я сделал ее только что на соседней улице!

– Слушай, белый воротничок, – бармен перегнулся через стойку и едва не боднул Линфаня в лоб, – если ты наklubился в виртуалке до глюков, отмокай дома, в ванне, а не у меня в баре, понял?! Или возвращайся в киберсферу и клубись дальше, пока не сойдешь с ума окончательно. А если тебе действительно надоело забивать мозги иллюзиями, покупай еще стакан и живи натуральной жизнью. Только без всяких фантазий наяву. Нечего смешивать две жизни, это тебе не коктейль, добром это не кончится.

– Но я говорю правду. – Линфань поник и уставился на пойло в стакане. – Там, снаружи происходит что-то странное.

– Уйгур! – позвал бармен.

У стойки мгновенно нарисовался охранник.

– Да, босс.

– Господин Линфань уходит, проводи. Вежливо.

Так и не притронувшись к «Мэри», Чжен сполз с табурета и направился к выходу. Бармен проводил его долгим взглядом и едва слышно вздохнул. Парень был хорошим. Стучать на хороших людей особенно тяжело. Бармен покачал головой, снова сокрушенно вздохнул и как бы через силу проронил: «Полиция, отдел надзора». Соединение установилось мгновенно.

Чжен Линфань ничего этого, разумеется, не видел и не слышал. Притормозив на границе света и тьмы, он надел «очки», набрал в грудь воздуха, словно перед прыжком в воду, и свернул за угол.

На темной улице ничего не изменилось. Гудела толпа, шуршали авто, а светофоры перемигивались со всевозможными инфракрасными вывесками. Из всех сил стараясь не озираясь по сторонам, Чжен протиснулся сквозь ночную толпу к подъезду своего дома и уже собрался в него нырнуть, как вдруг почти лоб в лоб столкнулся с какой-то девицей. Никогда раньше Линфань ее тут не встречал, но она выходила из подъезда, значит, жила в его доме.

– Привет, – дала о себе знать врожденная вежливость. – Простите, что чуть не сбил вас с ног.

– Привет. – Девушка окинула Линфаня изучающим взглядом. – Ты новичок?

– Смотря в какой области – Чжен впервые за вечер не растерялся.

– В нашем доме. – Девушка указала большим пальцем за спину. – Раньше ты здесь не жил, я бы тебя запомнила. Давно вселился?

– Недавно. – Линфань кивнул. – Три года назад.

– Три года?! – Девушка задержала взгляд на «очках». – Ты что, человек-Ян?

– Чжен Линфань. Или... погодите, в каком смысле – Ян? – Линфань заинтересованно уставился на соседку. – В смысле – противоположный Инь? В принципе – да, только почему – «человек-Ян»? Не проще ли сказать – мужчина?

– Извините, мне пора. – Девица ступевалась и сделала шаг в сторону.

Линфань повторил ее движение и перекрыл дорогу. Девушка напряжилась и сжала кулачки.

– Объясните, что значит человек-Ян? – потребовал Чжен Линфань. – И почему вы решили, что я новичок в этом доме? Я вас, кстати, тоже не припомню. Почему? Вы постоянно работаете в ночную смену?

– Уйдите с дороги!

– Не уйду, пока не объясните!

– Что вы хотите знать?! – Девушка агрессивно подалась вперед. – Да, мы не встречались, потому, что я работаю по ночам. Отдыхаю тоже! Что еще вы хотите знать? Что такое Инь и Ян? Прочтите «И цзин», если забыли!

– Нет, вы имели в виду не учение о женском и мужском началах, смысл вашего вопроса был в другом! Вы назвали меня человеком-Ян, а не мужчиной. Почему?

– Хотите, чтобы я вызвала полицию?!

– Полицию вы не позовете, – уверено сказал Чжен. – Ваши друзья по ночной жизни называют себя людьми-Инь, а тех, кто ночью спит, – людьми-Ян? Оригинальное прочтение «И цзин». Это что, новый молодежный прикол?

Девушка промолчала и снова попыталась пройти мимо Чжена, но он снова ее притормозил.

– В точку, да? Я угадал?

– Нет!

– Вообще-то да, вы правы. В ночной толпе достаточно людей любого возраста. Даже дети есть. И это вообще разрывает мне мозги. Что происходит, госпожа соседка? Почему весь этот народ бродит по улицам в крошечной темноте, но не спотыкается? Особые линзы ночного видения?

Она снова промолчала.

– Допустим, – сам себе ответил Чжен. – Но в чем кайф ночного бдения? Почему все эти миллионы людей не спят, когда должны? Мода на лунный загар? Эпидемия аллергии на солнечный свет? Или что-то случилось с их биологическими часами? Объясните, пожалуйста, все-таки не чужие люди получаемся, под одной крышей живем.

– Уйдите с дороги! – сердито потребовала девушка. – Последний раз прошу!

– Нет, сначала вы объясните!

– Ну, все, ты сам виноват, – прошипела девица и тут же ударила Чжена кулачком в живот.

Линфань сложился пополам и отлетел метра на три, почти на середину тротуара. Так сильно его не били никогда в жизни. Даже неудачное падение с пятиметровой вышки в бассейне колледжа вспоминалось теперь как легкий шлепок. По сравнению с этим ударом меркли вообще все пережитые Чженом неприятные ощущения. Внутренности сжались в комок, а дыхание сбилось настолько основательно, что Линфань не был уверен, что когда-нибудь его восстановит. Минут пять он, скрючившись, лежал на мостовой, потом, «вспомнив» наконец, как дышать, сел по-турецки и прижал руки к животу. Боль никак не проходила. Чжен медленно наклонился почти к коленям. Так было вроде бы полегче, вот только с носа опять сползли «очки». Линфань снял «камеру-трансформер» и зажал в кулаке. Теперь эту вещь следовало беречь как зеницу ока. Такая запись! Жаль, на ней нет эпизода в баре, зато имеются отличнейшие виды ночной жизни и настоящая потасовка! Любой «таблоид» с руками оторвет за любую сумму.

«Или руки оторвет полиция... – мелькнула тревожная мысль. – Со стороны должно было казаться, что я напал на эту девицу. Прохожие запросто могли вызвать копов».

Линфань поднял голову. Ночные прохожие не обращали на него никакого внимания. Впрочем, днем реакция была бы той же. Но полиция, похоже, им все-таки заинтересовалась. Чжен на секунду надел «очки» и тут же спрятал их за пазуху. Трудно сказать, по наводке рас-

серженной девицы или просто так, но двое людей в форме шли в его направлении. Линфань собрался духом и через боль заставил себя подняться. Получилось даже лучше, чем он ожидал. Полисмены ускорили шаг, но Чжен был ближе к своей цели, чем они к своей. Он нырнул-таки в спасительный подъезд и запер за собой дверь. Разблокировать замок полиция могла в два счета, но в этом случае патрульным пришлось бы писать подробные рапорты – на основании чего они проникли в частное здание, применив экстренный код доступа, какого такого преступника и за какое преступление они преследовали и так далее. Чжен Линфань вполне обоснованно предполагал, что писать рапорты полицейским не захочется, поэтому до лифта добрел в нормальном темпе. Дверь подъезда действительно так и не открылась.

Едва Чжен Линфань переступил порог квартиры, нервное напряжение отпустило, но боль в животе усилилась. Ему, с одной стороны, страшно хотелось спать, но с другой – уснуть было нереально. Во-первых, по причине недомогания, а во-вторых, Линфаня раздрало любопытство, ему не терпелось посмотреть запись камеры на приличной аппаратуре, с полным погружением. Какой-то скрытый в глубине сознания звонок настойчиво брэнчал, указывая Линфаню на некий факт – увиденный им в реальности, но прошедший мимо внимания. Понять, что такого важного увидел или услышал, но не осознал, Чжен Линфань мог, только внимательно просмотрев запись. Возможно, несколько раз.

Качество объемной картинки было таким, что Линфань невольно вздрогнул. Он будто бы снова оказался на темной, недружелюбной улице в окружении странных людей, способных, как совы, видеть в темноте и ненормально энергичных, даже каких-то возбужденных, несмотря на поздний час.

Линфань пустил запись вдвое медленнее и попытался понять, что его так «зацепило» – незаметно, но сильно. Плавные движения пешеходов и машин сбивали с толку, а басовитые звуки вовсе потеряли информативность. Чжен Линфань включил нормальную скорость воспроизведения, просмотрел запись до конца и запустил ее снова.

«Зацепка» обнаружилась во время четвертого просмотра. Ею был обрывок беседы двух пешеходов. Тех, которые случайно толкнули замершего на крыльце Чжена Линфаня и тем самым вывели его из оцепенения.

Линфань приказал специальной программе обработать звуковую дорожку, восстановив потерянные звуки и слова по интонациям и артикуляции собеседников. Текст получился коротким, но содержательным. Слишком содержательным, если учесть, кто это говорит и что творится в этот момент вокруг.

По виду пешеходы были полисменами в штатском. «Закадровый» текст полностью подтверждал эту версию, хотя, как ни парадоксально, подошел бы и беседе двух преступников. Если конкретно – наемных убийц.

« – ...Золотой Дракон не обманул. Мы действительно втрое быстрее и сильнее обычных. Убить землянина было легко, как прихлопнуть комара.

– В первую очередь – необходимо. Пришить предателя следовало еще до того, как на него вышел этот шпион.

– Тогда мы не узнали бы, кто связной.

– Ну, узнали, и что толку? Землянин успел передать шпиону информацию, а тот ухитрился сбежать. Получается, мы остались в дураках. Ты понимаешь, что это значит?

– Ничего особенного. Наши люди наверху перехватят рапорт шпиона до того, как он поступит в служебное отражение СБЗФ.

– Ты настолько доверяешь земным людям-Ян?

– Мы единая нация, Сунь. Мы компоненты гармонии одного Великого Предела – люди-Инь и Ян. И не имеет значения, где мы живем: на Земле, Дао или где-то еще. Земные «драконы» понимают это не хуже нас. И работу свою знают не хуже нас. А возможно, и лучше.

– Очень на это надеюсь, ведь мы упустили шпиона! И что самое позорное – на Дао. На своей территории. Почему, интересно, враги выбрали для сделки именно Дао? Почему нельзя было встретиться где-нибудь на Земле?

– Так они думали запутать «драконов». Земных сыновей Золотого Дракона шпионы боятся больше, чем нас.

– Я тоже их боюсь, если честно. «Драконы» сильнее нас. Даже сильнее наших людей-Ян, и они себе на уме. Это плохо.

– В любом случае они свои парни, Сунь, а это самое важное. Золотой Дракон уже назначил дату: ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое. Когда обычные люди поймут, что их дни сочтены, и начнется Большой передел, такие парни, как земные «драконы», станут особенно полезны. Они пойдут в первых рядах нашей армии...»

Последние слова удаляющихся собеседников были уже невняты, но Чжен сумел их расслышать. Сумел расслышать и усвоить для себя три основные вещи: люди-Инь и люди-Ян – это некая новая загадочная «нация», которой противопоставляются «обычные люди», а элита этой «нации» именуется «драконами» и проживает на Земле, причем в достаточном согласии с высшими эшелонами легальной власти. А главное – грядет Большой передел. И существует еще одно обстоятельство, пожалуй, самое главное – очень похоже, что никто из «обычных людей» даже не догадывается о грядущих неприятностях!

Линфаню стало немного не по себе. Он утер выступивший на лбу холодный пот и облизнул губы пересохшим языком. Все увиденное и услышанное было очень странным и опасным. Очень, очень опасным!

Рука сама потянулась к пиктограмме удаления записи, но в последний момент Чжен почему-то передумал. Он скопировал запись и повесил «кулончик» с инфокристаллом на шею.

Насколько опрометчивым был этот поступок, Чжен Линфань узнал буквально через секунду.

3. Земля, 17 декабря 2196 г.

Вряд ли кто-то может с полной уверенностью сказать, что знает, когда конкретно на берегу Хуанцу, правом притоке Янцзы, возникло рыбацкое поселение, ставшее нынешним Шанхаем. Когда-то во времена древних династий. Или раньше. Возникло, чтобы выжить во тьме веков и с течением времени превратиться в ценнейшую жемчужину восточного побережья Китая, да и всей Азии.

Как и многие другие древние города, Шанхай пережил немало «взлетов и падений», но никогда не выключался из активной жизни страны. Примерно к шестнадцатому веку он пробился в группу сильнейших и крупнейших городов и закрепился в ней на долгие годы, сейчас уже можно определенно сказать – навсегда.

Город формировался, как центр торговли и ремесел, а затем промышленности, но никогда не превращался в бездушную машину. Он всегда имел свой колорит и неуловимый шарм, связанный с ветром перемен, дующим в глубь континента с побережья Восточно-Китайского моря. Шанхай, как большой воздухозаборник, ловил это движение воздушных масс и, как дефлектор, направлял его, куда считал нужным. Вполне естественно, что самые новые и полезные веяния в первую очередь применялись на месте и зачастую под контролем людей из других частей света, главным образом из Европы.

Этот момент определил вторую особенность Шанхая – многонациональность и псевдоевропейский шик. Вот почему в девятнадцатом веке, во времена иностранных концессий, Шанхай называли Китайским Парижем, городом-отражением Запада на Востоке. И верно, как еще называть город, где смешались архитектурные стили и образ жизни самых разных народов? В наибольшей мере китайцам в Шанхае «досталось» от американцев, французов, японцев и русских. Последние буквально заволокли город в третьем десятилетии двадцатого века и придали его атмосфере изысканный декадентский колорит. Впрочем, спустя двести лет в крупнейшем городе Китая не осталось практически ни одного здания или иного свидетельства пребывания русской эмиграции. Скорее всего, они исчезли еще в начале двадцать первого века, когда Шанхай вновь уловил ветер перемен и практически избавился от древнего наследия. Именно тогда он превратился в сверхсовременный мегаполис, обогнав по части «продвинутости» даже такого, казалось бы, бесспорного лидера, как Сянган.

И внешне, и внутренне Шанхай, к тому времени ставший двадцатимиллионным, за кратчайшее время изменился на все сто процентов. Он стал шикарнее, солиднее и богаче, но, главное, гораздо влиятельнее, чем был каких-то тридцать лет назад, когда никому и в голову не пришло бы сравнивать его с Гонконгом. Рабочий грузовичок и лимузин, какое тут сравнение? Но в начале двадцать первого века произошел перелом, и Шанхай стал тем, чем стал, – не лимузином, но флаером на антигравитационной подушке. В нем не осталось почти ничего от старого облика.

В двадцать втором Шанхай разросся до двухсотмиллионной агломерации, присоединив к окраинам ближайшие города, и еще раз полностью перестроился на своих исконных территориях. Ни в его центре, ни на окраинах не осталось никаких старинных (старше пяти десятков лет) домишек, кроме музеев и храмов. Повсюду стали господствовать небоскребы, возведенные в рамках невообразимых архитектурных экспериментов, наземные и парящие в небе деловые центры, шикарные отели, рестораны, парки для развлечений и спорта... и так далее в том же духе. Если быть до конца точным, город не изменился, он родился заново.

– И продолжает рождаться ежедневно, теперь еще и в своей виртуальной версии. – Люси закрыла голографическое «окно» туристического ролика и перевела взгляд на иллюминатор.

Суборбитальный челнок снижался над космодромом в районе Цзясин. С двадцатикилометровой высоты и без подсказок виртуальных гидов было легко оценить грандиозные размеры

мегаполиса: от залива Ханчжоувань до Юйшаня с юга на север, и от морского побережья до Сучжоу и озера Тайху с востока на запад. Площадь «города неограниченных возможностей» была воистину гигантской.

– Возможно, это его и губит, – негромко проронил Вальтер.

– Губит? – Люси удивленно подняла бровь. – Не заметила. Шанхай переживает свой расцвет. Заслуженный расцвет. Ему еще далеко до гибели.

– Страшны не заблуждения, а упорство их приверженцев. – Грайс состроил печальную мину и кивком указал на север. – Будущее там, Люси, на Северных территориях. Переполненные мегаполисы Поднебесной вроде Шанхая, Нанкина, Чжандяня, Пекина и Даляня скоро задохнутся. Я назвал только пять городов, но в них проживает около миллиарда человек. Это предел, даже при современном развитии муниципального хозяйства. Владивосток, Чита, Красчжоу, Новосиань, Омцинь – вот города будущего. Там прохладнее, зато достаточно земель и ресурсов.

– После подавления Сурнаньского мятежа переселение на север стало проблематичным. Совет Федерации строго следит за соблюдением режима квот.

– Однако это не мешает сибирским городам расти, как на дрожжах. В столице округа уже проживает пятьдесят миллионов.

– Это естественный прирост.

– Согласен, но я о другом. В Новосиане живет пятьдесят миллионов человек, но проблема перенаселенности не стоит так остро, как в других местах. А все потому, что на Западно-Сибирской равнине достаточно земель с нормальным рельефом, чтобы разместить еще столько же народу и даже не заметить особой разницы. Шанхаю расти некуда, разве что вверх, но выше двадцати километров ему не подняться, летающие дома – флай-хаусы тоже имеют свой «потолок». Из всего этого и следует, что рано или поздно Шанхай ожидает коллапс.

– Если только его научный центр не нашел решения проблемы, – вставила Люси.

– Судя по всему, нашел. – Вальтер тоже взглянул через иллюминатор на приближающийся город. – Вот только какое? Не думаю, что это расширение территории за счет шельфовых городов под куполами или массового переселения людей на борта флай-хаусов. Версия с полным переносом города в сибирскую тайгу тоже не кажется правдоподобной, а освоение новых космических колоний – песня долгая и необязательно удачная.

– Потерпи, дорогой, мы скоро прилетим и увидим все своими глазами. – Люси взглядом указала на приближающуюся стюардессу.

Вальтер с удовольствием проследил за взглядом напарницы. Вряд ли Люси предлагала капитану оценить тщательность подбора персонала в авиакомпании «Чайна эйрлайнс», скорее она предупреждала, но ничто не мешало Грайсу совместить приятное с полезным. Бортпроводница была почти совершенна. Точеная фигурка, высокая грудь, идеальные черты лица. Если бы не «легенда»... впрочем, нет. Все равно Люси вызывала в душе гораздо более сильные чувства, причем реальные, а не «чисто теоретические». Грайс оценил достоинства стюардессы на твердую «пятерку» и вернулся к беседе с Люси.

– Да, милая. Куда мы отправимся в первую очередь?

– Думаю, сегодня мы успеем немного. Осмотрим центр Старого Шанхая, музей современных искусств Чжу Хэфэна и храмы, хотя бы Чэнхуанмяо и Юйфэсы.

– Тот, где стоит нефритовая статуя Будды?

– Да. Она украшена драгоценными камнями. Должно быть очень красиво.

Стюардесса чуть наклонилась и молча предложила напитки. Вальтер подозревал, что первое она сделала для него, а второе для Люси. Роскошные формы колыхнулись буквально перед носом у капитана.

– Рекомендую также осмотреть пагоду Лунхуа, – любезно улыбаясь, подсказала стюардесса. – Это тоже почти в центре. Хотите что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. – Люси улыбнулась в ответ.

– И спасибо за совет. – У Вальтера улыбка получилась кислой. Впрочем, как всегда. Он все-таки проводил взглядом стюардессу и, будто бы сравнивая, уставился на Люси. – Ты не знаешь, дорогая, недалеко от берега есть острова?

Люси невольно поправила блузку на груди.

– Зачем тебе?

– Это было бы здорово: уединиться на островке и на недельку погрязнуть в дзен-буддизме.

– Вальтер, мы приехали сюда за другим. – Люси укоризненно покачала головой.

– Да, да, я помню. – Грайс вздохнул и снова уставился в иллюминатор. – «Два острова в молочно-белом озере и впадина водоворота, и водопад жемчужной раковины у горизонта». Кажется, так.

– Что это? Стихи?

– Джереми Кван. Мой вольный перевод. – Вальтер коротко откашлялся. – Это для конспирации. Не обращай внимания.

– Отчего же? – Люси улыбнулась и прижалась к плечу капитана. – Мне нравится. Ты первый мужчина, который читает мне стихи.

– У нас же медовый месяц. – Грайс заметно смутился. – По легенде.

– Этот стих о женщине, да? Очень эротично. И не пошло. Мне нравится. Продолжишь?

– Да, милая, но не сейчас. Мы садимся.

Коснувшись серой влажной полосы колесами шасси, челнок едва заметно вздрогнул. По ту сторону иллюминаторов замелькали посадочные огни, уровень шума в салоне вырос, но вскоре вновь пошел на убыль. Челнок затормозил и плавно подрулил к терминалу. Лирическая передышка закончилась. Теперь разведчикам следовало максимально сосредоточиться на задаче. Для начала – просто осмотреться и «сориентироваться на местности».

Зона прибытия и бегущие дорожки терминала выглядели привычно, ничего особенного, никаких чудес, а вот когда «уважаемые гости мирового техноцентра» очутились в зале прилета, совмещенном с посадочными платформами семи или восьми видов городского транспорта, челюсть слегка отвисла даже у видавшего виды Вальтера. Такого количества технологических новинок на кубический метр пространства он не встречал еще нигде.

В первую очередь поражало обилие точной и полезной (или не очень) информации, окружавшей, как кокон, каждого прибывшего пассажира. Каким-то немислимим образом программе, формирующей виртуальное отражение терминала, удавалось с максимальной точностью определять, кого что интересует и на каком языке обращаться к каждому конкретному человеку. Мало того, по желанию пассажирам выделялись персональные голографические гиды, которые буквально за руку вели гостя через бурлящее море визуальных, звуковых и даже тактильных подсказок, ссылок, рекламных баннеров и прочей головокружительной виртуальной «всячины». Кстати сказать, тонкий психологический расчет просматривался и в этом элементе сервиса: гиды выглядели по-разному, но именно так, чтобы гостю было приятно. Например, перед Вальтером возникла пышногрудая блондинка, сильно смахивающая на обольстительницу-стюардессу.

– Спасибо, госпожа, мы сами. – Вальтер взял под руку Люси.

Виртуальная блондинка понимающе улыбнулась и растворилась в воздухе.

– Интересно, как они догадались? – Люси усмехнулась.

– Проанализировали мою реакцию в самолете. – Грайс незаметно оглянулся. – И это меня тревожит. Неужели нас раскусили?

– Кто? Местные полисмены?

– Получается, да. – Вальтер кивком указал на перрон монорельсовых экспрессов. – Тряхнем стариной? Транспорт неторопливый, зато надежный.

– Ты думаешь, нам стоило заgrimироваться и сменить имена?

– Нет. – Вальтер легонько подтолкнул робота-носильщика в нужном направлении. – Нас идентифицировали бы в любом случае. Надо просто гнуть свою линию. Служебный роман, свадебный отпуск, медовый месяц, путешествие по Азии и Европе. Для достоверности проложим обратный маршрут через Сеул в Гамбург. Как бы заглянем в родные места, раз уж вырвались в круиз.

– У тебя остался кто-то в Гамбурге?

– Нет, сестра живет на колонии Марта, а родители на Юнкере. Но мой старый дом пока не снесли, да и друзья детства остались. Прикажи роботу маркировать наш багаж как доставку в «Шанхай-Рэдиссон». Мой китайский далек от совершенства.

– Не слишком ли шикарно?

– Нормально. – Вальтер задержал взгляд на парочке туристов из Японии, направляющихся в сопровождении эфемерного гида к тем же платформам монорельса. – У нас же медовый месяц... А вот и филеры, поздравляю.

– Где?

– Не верти головой. – Грайс наклонился к Люси и чмокнул ее в щеку. – Достаточно, что их вижу я. Парочка пожилых японцев. Вообще-то странно, не находишь?

– Они могли вести нас виртуально. При здешней насыщенности электроникой это проще, чем следить за гусеницей на пустом столе.

– Вот именно, дорогая. – Капитан еще раз поцеловал спутницу.

– Что-то еще? – встревожилась Люси.

– Нет, – серьезно ответил Вальтер. – Просто пользуюсь служебным положением.

– Буду жаловаться командиру. – Лейтенант ответила Грайсу таким же легким поцелуем и незаметно ущипнула за руку. – Схлопочете выговор за сексуальное домогательство.

– Когда это будет! – Вальтер устало улыбнулся. – Продолжай щебетать, мы же молодожены.

– Думаешь, нас не слышат?

– Слышат, – кивнул капитан. – Но вряд ли понимают хоть слово. Я включил кодировщик. А по артикуляции им вообще ничего не понять. Лично я говорю сейчас на гамбургском портовом арго. В детстве я сбегал из дома и довольно долго жил среди грузчиков. А ты?

– На сленге колонии Даная. Его нет в официальных базах, даже полицейских, только в нашем кодировщике. Это жуткая смесь марсианского английского, португальского и модернизированного японского.

– Просто «царская водка», а не сленг. Я понимаю, слова можно чередовать, но как строить фразы? Ужас! Особенно для декодирования.

– Так точно, мой капитан. Может быть, их насторожил как раз включенный кодировщик?

– Девяносто процентов людей вокруг пользуются этими гаджетами. Никто не любит, когда его подслушивают, пусть и для его же безопасности. В нашем случае это тем более оправданно: воркуем о своем, очень личном, да еще на разных языках. Как тут обойтись без двухканального кодировщика-переводчика? Так что, щебечи о чем угодно, милая, и не забывай обнимать. Для конспирации этого будет достаточно... И все-таки зачем нам прицепили такой откровенный хвост?

– Предупреждают «по-хорошему»? – Люси легонько толкнула Вальтера локтем в бок. – Стоянка флаеров рядом с платформами. Может, долетим, раз уж мы такие богатенькие?

– Предлагаешь поселиться во флай-хаусе?

– Нет, лучше в пентхаусе, но долететь флаером.

– Ты права, шикавать так шикавать, берем пент-хаус в «Грейт Уолл-Риц».

– Я говорила не об этом! – снова встревожилась Люси. – Что ты задумал? Оторваться?

– Нас не выпустят из центра Шанхая, милая. – Грайс взглядом указал на новую партию шпииков. – Еще трое. Они не собираются следить за нами. Они намерены нас контролировать. Без постоянной угрозы физического контакта это невозможно. Понимаешь, о чем я?

– Физического... контакта? Ты имеешь в виду «угрозу расправы»?

– Я забыл, что ты тоже законник. – Грайс усмехнулся. – Да, если пользоваться полицейской терминологией, это именно угроза расправы. Черт! Еще трое! Нас берут в плотное кольцо.

– Есть вариант с мини-челноками. Можно сесть в «саб» и заказать полет в Сянган, например, а на самом деле...

– Не получится. От площадок флаеров и частных «сабов» нас отрезали первым делом. Да и не летают суборбитальные челноки на короткие расстояния. Триста километров – минимум.

– В Европе. – Люси усмехнулась. – А здесь только плати. Увезут хоть за угол. Не забывай, где мы, дорогой.

– А, ну да, согласен. – Грайс незаметно оглянулся и на секунду притормозил, явно выбирая момент. – Но мы поступим иначе. Когда скажу «вперед», беги к монорельсу. Примерно за три метра до платформы поворачивай направо и прыгай на эскалатор в подземку.

– Не самое просторное местечко.

– Зато людное. Наш единственный шанс уйти. Станцию назначения ты знаешь. Я постараюсь не отстать, но ты же понимаешь... я белый и старый. Меня могут задержать, а ты, как юная лань, легко оторвешься и смешаешься с толпой.

– Да ты и сам поэт, герр капитан, без подсказок Квана. – Люси хихикнула. – Но мне снова приятно.

– Честно говоря, думал, ты ответишь любезностью вроде: «что ты, милый, ты еще вовсе не старый...» – Вальтер подмигнул.

– Не хочу начинать совместную жизнь с вранья. – Лейтенант ответила тем же условным знаком.

– Вперед!

Трюк был простейшим, и филеры просчитали его мгновенно, однако гости все-таки сумели повернуть ситуацию в свою пользу. Вальтер догнал Люси, когда девушка только ступила на эскалатор. Подхватив ее на руки, он перемахнул через движущееся ограждение, спрыгнул на дорожку, бегущую вверх, и в три прыжка вернулся на площадку перед входом в метро. Четверо из семерых «топтунов» не успели отреагировать на заячьи прыжки капитана и, попав в плотный поток пассажиров, были вынуждены уехать вниз. Оставшиеся шпиики бросились наперерез, но Вальтер успел запрыгнуть в готовый к отправке монорельсовый экспресс, двери за ним закрылись, и «группа физической угрозы» осталась с носом.

– Поставь меня на ноги, дорогой.

– Извини, – Вальтер отпустил Люси, – так было проще.

– Мы все равно не оторвемся. – Люси прошла в вагон и уселась в свободное кресло. – Наш маршрут им известен, все сомнения в своей миссии мы развеяли, и если не устранить, то остановить нас они теперь просто обязаны. До гостиницы пять минут, успеешь что-нибудь придумать?

– Постараюсь. – Грайс уселся рядом и привычно уставился на мелькающие за окном «урбанистические пейзажи».

Посмотреть было на что: в первую очередь, конечно, на дома всевозможных форм, этажности и окраски, опутанные хитросплетениями дорог-виадуков для всех видов наземного транспорта. Да и парящие в хмуром зимнем небе кварталы флай-хаусов, между которыми сновали сотни тысяч летающих машин, тоже производили сильное впечатление. Хотя самыми яркими были, понятно, объемные рекламные ролики и плакаты, раскрашивающие этот большой муравейник во все цвета радуги и придающие ему более-менее человеческий вид. Без

рекламы и миллионов огней город действительно напоминал бы муравейник, утонувший в сероватом озере.

Неизвестно, какая из деталей вида за окном подстегнула творческую мысль Грайса, но решение он нашел ровно через три минуты задумчивого созерцания шанхайских красот. Люси едва раскрыла рот, чтобы поторопить «избранника», как он вдруг поднялся и потянул ее к дверям.

– Будем прыгать на ходу? – с опаской спросила девушка. – Триста километров в час, конечно, не скорость, но...

– Мы сдадимся, – успокоил Вальтер. – Как только откроются двери, выходи на платформу с вытянутыми вперед руками. Позволь им надеть «браслеты», затем назови свое звание и личный номер. Поняла?

– Да. Только я не понимаю... зачем?

– Если не судьба пробраться в ШНЦ, попробуем собрать максимум косвенных данных. Задерживать офицеров федеральной полиции имеет право только Служба внутренней безопасности. Если это сделает обычная полиция, программа надзора выдаст предупреждение и местный отдел «собеза» будет вынужден начать расследование инцидента.

– А если этого не произойдет, программа пошлет рапорт по инстанции.

– Вот именно. Если заговор существует, этого не случится.

– А если ШНЦ прикрывают высшие чины в Стокгольме?

– Программа есть программа. – Грайс пожал плечами. – Чины обязаны реагировать только на формальные рапорты, а их пишут офицеры рангом ниже и на основе программы. Узнав, где происходит блокировка информации, мы получим ответ на вопрос, кто всем этим заправляет.

Экспресс замедлил ход, но еще до его остановки шпионам «Омеги» стало понятно, что проверить теорию Грайса на практике не удастся. В работу программы, на которую рассчитывал Вальтер, вмешалась другая программа, явно местного изготовления и далеко не лицензионная. Поезд вдруг снова начал разгоняться, проскочил мимо платформы и, выйдя после длинного виража на прямую, развил скорость почти в половину выше допустимой. Насколько разбирался в подобной технике Грайс, экспрессы могли мчаться со скоростью до шестисот километров в час, но правила запрещали такие эксперименты. Сейчас же происходило именно это – поезд уверенно набирал запрещенные шесть сотен и не собирался притормаживать. Вальтер негромко выругался на родном языке и потянул Люси в середину вагона.

Экспресс ощутимо затрясло. Вибрация была мелкой, но отчетливой. Пол медленно поплыл из-под ног, и, чтобы не упасть, офицерам пришлось вцепиться в подголовники ближайших кресел. В вагоне начали беспокойно переговариваться пассажиры.

– Шутки в сторону, – пробормотал Вальтер. – База, вы следите? Нужна срочная эвакуация!

– Понял тебя, Вальтер, – ответил Алекс. – Доступ к вам блокирует программа безопасности. Попробуем обойти. Ждите!

– Алекс, официальные каналы не помогут, надо ломать! – Грайс бросил короткий взгляд на паутинку мелких трещин, поползшую по стеклам окон и панорамной крыши экспресса. – Нам очень не хочется сорваться в «штопор». Трое суток головной боли, и это в лучшем случае, малоприятная перспектива.

– Спокойно, капитан, – бодро сказал вместо Воротова Джейсон, – я вас не оставлю! В каком вы вагоне?

– Пятый... кажется.

– Суперджейсон спешит на помощь!

Связь прервалась, и почти одновременно под полом вагона что-то громко закрипело. Вскоре скрип превратился в оглушительный скрежет, затем в отчаянный вой, а под занавес – в

пронзительный свист. Предчувствуя крупные неприятности, Грайс заставил Люси пригнуться и закрыл ее собой. Через секунду стекла в окнах лопнули, и следом за колючей метелью из мелких осколков в вагон ворвался ураганный ветер.

Упругая холодная волна ревущего воздуха опрокинула офицеров и потащила к дверям тамбура. Вальтер попытался уцепиться за подлокотник кресла, но мгновенно замерзшие на холодном ветру пальцы соскользнули, и дальше капитана понесло боком. В принципе, успей Вальтер сгруппироваться, миновать широкий дверной проем он сумел бы и в этом неудачном положении, но капитан не успел. Воздушный поток швырнул Грайса на край отъехавшей двери, и он сильно приложился виском. В глазах потемнело, салон экспресса поплыл куда-то вдаль, а лицо Люси, попытавшейся оттащить Вальтера в сторону, вытянулось, словно оплывающая свеча. Все это можно было пережить, легкий нокдаун не повод для беспокойства, но к этой мелкой неприятности добавилась еще одна – тугой воздух никак не получалось вдохнуть. Он, будто бы играя с носом Грайса в пятнашки, уворачивался и со страшной скоростью утекал куда-то назад, в лишенную стекла и прогнувшуюся, как воронка, дверь тамбура. Теоретически можно было попытаться поймать тугую воздушную струю ртом, но существовал риск превратиться в «вечно улыбающегося» урод. Ветер такой силы вполне мог разорвать рот. Вальтер прижался лбом к полу. Головокружение и темнота в глазах прошли, но были готовы вернуться, на этот раз от недостатка кислорода.

Визг под полом внезапно прекратился, и на смену бешеному ускорению пришло ощущение свободного полета. Куда летел терпящий крушение экспресс, было, в общем-то, не важно. Теперь вообще все было не важно. Кроме одного – успеет ли что-то сделать Джейсон Чу?

Приложив невероятное усилие, Вальтер сумел протянуть руку и ухватить Люси за предплечье. Если Джейсон успеет, лучше быть к этому готовым, то есть быть в «сцепке». Вряд ли у хакера найдется время, чтобы вытягивать товарищей поочередно. А так – потянет одного, автоматически вытянет и другого.

Свободный полет сменился падением, и Вальтер в который раз за свою жизнь ощутил разочарование. В общем-то, к отсутствию в жизни чудес он давно привык и никогда по этому поводу особенно не расстраивался, но иногда... да что там лукавить – почти всегда!.. надеялся, что чудо произойдет. Сейчас оно было особенно необходимо и, как обычно, особенно нереально. Каким бы гением ни был Джейсон, пробиться за доли секунды через блоки, сочиненные лучшими программистами Земли, не светило даже ему. Если не случится чуда.

Вой ветра подозрительно стих, и Грайс невольно зажмурился. Все, конец!

– Дамы и господа...

Ощущение падения сменилось новым, более привычным – ощущением торможения, как в кресле приземлившегося самолета.

– ...Наш суборбитальный челнок «Ил-6520» совершил посадку в аэропорту Домодедово...

Грайс открыл глаза. Никакого синтетического покрытия вагонного пола перед ними не было. Рекламная анимация компании «Роскосмос» на подголовнике впереди стоящего кресла, молочный свет полупрозрачного потолка и улыбающееся лицо стюардессы... черт возьми, той самой, что подавала напитки на борту челнока «Чайна эйрлайнс»! И никакого воя ветра в ушах, никакого жжения от недостатка воздуха в груди, а также холода и немеющих пальцев... из последних сил сжимающих руку Люси. Черт! Люси! Вальтер резко повернул голову вправо.

Девушка сидела, крепко зажмурившись и впившись побелевшими пальчиками в подлокотники кресла. Боялась посадки? Нет, ерунда! Значит, боялась того же, чего секундой раньше боялся и Вальтер.

Капитан осторожно тронул Люси за плечо.

– Проснись!

– А?! – Люси распахнула глаза и сделала судорожный вдох. – Мы... спаслись?

– Вы спаслись, – наклонившись к ним шепнула стюардесса, почему-то голосом Джейсона Чу. – Трое суток мигрени и приобретение новых гейм-портов отменяются. Но возвращать вас сразу в контору было опасно, слишком резкий выход. Как вам эта милашка?

Стюардесса подмигнула Грайсу.

– Все мужчины одинаковы, – фыркнула Люси и «фирменным» жестом толкнула Вальтера в бок. – Подавай им не меньше третьего номера! Джейсон, мы готовы, вырубай оболочку.

Вернуться из жутковатого путешествия в виртуальном пространстве было на редкость приятно. Особенно радовало ощущение полной безопасности в реальном мире. А ведь еще вчера Грайс, как и миллиарды обывателей, свято верил, что киберпутешествия придуманы в первую очередь для того, чтобы снизить «транспортные риски» для туристов, и лишь потом для того, чтобы не забивать «лишними» пассажирами и без того перегруженные рейсы. Конечно, существовала еще одна причина стремительного развития виртуального турбизнеса – он приносил немалую прибыль, об этом нюансе капитан киберполиции знал лучше обывателей, но в остальном был полностью солидарен с общественностью. Что могло угрожать человеку, «путешествующему» верхом на собственном диване? Программный сбой? Редчайшее явление. Что еще? Умышленное повреждение программы, так называемый гейм-штопор? Кому это нужно? Если только конкурентам, но подобные методы борьбы за клиента обычно приводили к ущербу для индустрии в целом, а потому не практиковались. И все-таки получалось, даже капитан Грайс не знал тонкостей виртуального туризма, а потому был чрезвычайно рад, что ему не пришлось платить за это знание слишком высокую цену.

«Решение привлечь к делу Джейсона оказалось чертовски верным! – Вальтер обвел взглядом „встречающих“. – Одно удручает, не удалось побыть с Люси подольше наедине. Пусть и виртуально. Седина в бороду... вот угораздило! Ну почему я не „подкатывал“ к ней раньше? Мы уже два года работаем в Управлении, на одном этаже, встречаемся на всяких мероприятиях, а толком познакомились только здесь. Да и то не слишком удачно».

– Добро пожаловать в реальность.

Напротив «молодоженов» уселся верхом на стул Алекс. Секундой позже подошел Вакид-заси и молча протянул «туристам» по чашке горячего чая.

– Привет, командир, привет, коллеги. – Грайс устало кивнул. – Спасибо, что успели вытянуть.

– Это к Джейсону. – Воротов взглянул на девушку. – Люси, как самочувствие?

– Замерзла. – Она потерла руки и взяла чай. – Хоть это и было только внушением, но чувствую себя снежной королевой.

– И это после горячего медового месяца! – рассмеялся Джейсон. – Говорил же, назначьте меня в напарники лейтенанту. Уж я бы показал, что такое страсть.

– Тебя в тюрьме научили страсти? – хмыкнул Вальтер. – Герой-любовник нашелся.

– Мне показалось или этот флегматичный с виду капитан действительно приставал к тебе, о прекрасная юная лань? – Чу в свою очередь насмешливо покосился на Вальтера. – Приставал?

– Тебе-то что? – Люси смерила Джейсона взглядом.

– Может, я ревную?

– Успокойся, Джейсон, ты не в моем вкусе. – Лейтенант обхватила чашку ладонями. – Меня до сих пор знобит от этого проклятого ветра. Все-таки с температурой в виртуальности был перебор. В реальном Шанхае гораздо теплее. Даже зимой... К тому же, господин хакер, тебе еще пять лет сидеть. Никогда не мечтала ждать парня из тюрьмы.

– Меня амнистировали!

– Пока не выполнено задание – нет. Так что... извини.

– Не расстраивайся, – сказал Чижов, похлопав Джейсона по плечу. – Женщина – субстанция теплая и приятная, но со временем она неизбежно остывает и твердеет. Видел когда-

нибудь флуоресцирующий янтарь с Терции? Он светится благодаря увязшим в нем насекомым. Членистоногие бедолаги продолжают светиться многие годы. Представляешь, как это обидно стать узником куска отвердевшей смолы, в то время как сам еще не остыл и светишь вполне ярко?

– Вы просто боитесь женщин, офицер, – осуждающе покачав головой, сказала Люси. – Хотя сравнение мужчин с насекомыми отчасти справедливо.

– Туше, – скрывая усмешку, проронил Вакидзаси.

– Перейдем к делу, – предложил Воротов. – Что мы имеем в результате виртуальной разведки?

– Шанхайским деятелям есть что скрывать, – заявил Чижов. – Налицо повод для разведки боем!

– Придержи коней, гусар. – Алекс поднял руку. – Бой еще будет, я уверен. Но пока не время. Вальтер, твое мнение. Желательно без обычной изящной словесности.

– В первую очередь, коллеги, хочу обратить ваше внимание... – Грайс осекся. – Это было чертовски натурально! Когда экспресс пошел вразнос, я испугался не на шутку. Но я не на это хочу обратить ваше внимание. Проработка виртуальности в шанхайских туристических программах может дать фору даже военным тренажерам.

– И взламывается так же легко, – заметил Чу.

– Я не пойму, Вальтер, к чему ты клонишь? – спросил Алекс. – Шанхай действительно славится своим виртуальным отражением. Поэтому его так любят кибертуристы. Где тут связь с заговором?

– Отражение слишком хорошее, – многозначительным тоном ответил Грайс. – Слишком... натуралистичное.

– Ты думаешь, оно приукрашено и не соответствует реальности?

– Нет, я так не думаю. – Вальтер отрицательно качнул головой. – Я же сказал, оно натуралистичное. Кому, как не мне, знать, насколько отличаются приукрашенные виртуальные копии от оригиналов. Я ведь работаю в киберполиции. Следить, чтобы рекламное и туристическое пространство соответствовали реалиям местности, – главная задача нашей службы. По Шанхаю за последние три года не было ни одного тревожного сигнала.

– Тогда я тебя совсем не понимаю. Что значит твое «слишком»?

– Я имею в виду не чрезмерную проработку деталей, а очень глубокое погружение туристов в виртуальность и, главное, существование в шанхайском киберпространстве полулегальных программ «подстраховки».

– Ну и что? Виртуальность Шанхая максимально готова отобразить жизненные повороты. Даже такие неприятные, как аварии, крушения и гибель людей. Что тут особенного?

– Если это точное отражение действительных происшествий – ничего, – согласился Грайс. – А если нет? Сам посуди. Программа отправила наш поезд под откос, чтобы не допустить развития событий по стандартному сценарию. Такой ход приемлем только в игровой программе. Налицо нарушение – «документальная» виртуальность не соответствует ходу действительных событий. Не думаю, что в реальности произошло нечто подобное. А это значит, что...

– Не хотелось бы тебя огорчать, – вмешался Джейсон, – но крушение произошло на самом деле. Вот срочный репортаж. «Синьхуа» ведет трансляцию через спутниковый канал, минуя шанхайскую виртуальность. *«Крушение монорельсового экспресса в Шанхае. Есть жертвы. Последний гвоздь в крышку гроба устаревших технологий и архаичных видов транспорта»*. И так далее. Военные спутники информацию подтверждают. Все так и было. Погибли две сотни человек. Приблизительно сорок кибертуристов получили шок, а двое даже сорвались в «гейм-штопор», лежат в нейрогенной коме.

– Плохо дело – Вальтер встал с кресла и, разминая затекшие ноги, прошелся до панорамного окна и обратно. – Получается, нас намеревались вывести из игры в любом случае.

– Кошмар! – ужаснулась Люси. – Как ты можешь так говорить?! «Нас»! Какая разница, что заговорщики хотели сделать с нами, Вальтер? Вернее, разница есть, но задумайся над главным – из-за нас погибли двести человек!

– Не мы их убили, – отрезал Грайс. – Но твое возмущение мне понятно. Получается, что все гораздо серьезнее, чем я думал. ШНЦ намерен хранить свою тайну любой ценой. Крушение экспресса сводит все наши усилия к нулю. Грубое нарушение закона о полном соответствии туристического киберпространства реальности могло бы дать нам повод для прямого разбирательства, но заговорщики «подогнали» действительность «под условия задачи», и нам придется все начинать сначала.

– С оглядкой на «убийственную решительность» заговорщиков, – добавил Вакидзаси. – Позвольте, командир?

– Говорите, офицер.

– Капитан Грайс прав: поставленная вокруг Шанхая виртуальная завеса слишком красива и чересчур ревностно охраняется. Ее не прорвать даже Джейсону...

– Почему это не...

– Чу, помолчи! – приказал Воротов.

– В Шанхае что-то происходит, но виртуально этого не выяснишь, – спокойно продолжил Вакидзаси. – Надо ехать и на этот раз тайно. Чего бы это ни стоило. Думаю, командир, вы не станете возражать, если поеду я?

– Лучше я, со своей космодесантной бригадой, – вмешался Чижов. – Сколько можно ходить в разведку? Все ведь ясно!

– Сказано тебе, не время. У нас нет прямых доказательств, – ответил майору Алекс. – Вакидзаси прав, надо взглянуть на Шанхай с позиции очевидца. Без виртуальных прикрас.

– И если офицер увидит нарушения, это будет считаться прямым доказательством? Что-то не верится, – заупрямился Чижов. – Все равно потребуются факты. Как он достанет их в одиночку, даже если прокрадется в ШНЦ?

– Я справлюсь, майор. – Вакидзаси взглянул на Чижова твердо, но без вызова. – Поверьте, мне не привыкать.

– А кто вас прикроет? – Чижов встал и одернул мундир. – Командир, прошу разрешения пойти с Вакидзаси.

– В этом нет необходимости, – возразил офицер «Кэндо». – Моя квалификация позволяет действовать без подстраховки.

– Майор Чижов, вы будете страховать офицера Вакидзаси, – немного подумав, сказал Алекс. – Но только до границы зоны высадки. Будешь дежурить на суборбитальной высоте на борту челнока-невидимки. В случае если возникнут осложнения, «виртуальный подвиг» Джейсона придется повторить в реальности: спикировать и, не касаясь земли, «выдернуть» Вакидзаси. Кому, как не тебе, этим заниматься, Виктор? Справишься?

– Мне тоже не привыкать. – Чижов бросил гордый взгляд на Вакидзаси. – Еще десять лет назад в Тегеране я таким финтом спас целую группу разведчиков.

– Начинаем немедленно, – резюмировал Воротов. – Майор, готовьте челнок. Офицер Вакидзаси, тоже можете идти готовиться. Надеюсь, часа вам хватит.

Японец молча кивнул сначала Чижову, затем командиру и неслышно удалился в дальнее крыло «пентхауса», где временно разместился небольшой арсенал и хранился багаж членов группы.

Майора Чижова Алекс придержал за руку.

– Не жди, когда он попросит помощи, майор, – негромко сказал командир. – Действуй по обстановке. Сработает чутье, сразу пикируй и вытягивай. Если Вакидзаси попадет в переplet, нам несдобровать.

– Сделаем в лучшем виде, командир. – Чижов хлопнул по подставленной ладони. – Будь!

4. колония Дао, 23 ноября 2196 г.

Будучи человеком любознательным, Чжен Линфань частенько обращался к непопулярным в Сети текстовым библиотекам и архивам обучающих фильмов. В них он искал ответы на вопросы, которые большинству нормальных людей даже не придут в голову. Например, о природе вещей и логике событий, о законах космоса, богах, магии, «могах и немогах», об астральном уровне мира и о скрытых в человеческом сознании тайниках. Кстати, эта тема была одной из последних, исследованных Линфанем. В частности его интересовали истоки таких полезных способностей, как интуиция и чутье на опасность. Еще Чжена интересовали парадоксы, например постулат философа и критика Бай Сина о пользе малого количества жизненного опыта, которое не мешает принимать безнадежные ситуации за выигрышные и вследствие этого заблуждения побеждать. Так сказать, «по незнанию, что противник непобедим». Или неизвестно чья идея о вреде для современного «сетевое» человека излишней эмоциональности – главного врага холодной рассудительности. «К счастью» для общества, по мнению псевдоученого инкогнито, эмоциональность сегодня практически убита виртуальным образом жизни, но сбрасывать ее со счетов не стоит. В трудную минуту рецидив недобитой Сетью впечатлительности может стоить человеку жизни.

Почему Линфань вдруг вспомнил об этой белиберде? Да потому, что эти безумные теории вдруг получили шанс пройти проверку на практике. А еще потому, что Чжен вполне допускал: не отложись у него в голове выводы из этих, казалось бы, оторванных от жизни текстов, он мог бы повести себя иначе. Правильнее или нет, навскидку понять было сложно, но иначе.

Скорее всего, без этой «специальной подготовки подсознания» у Чжена ничего бы не вышло. Даже полностью повинаясь интуиции, Линфань едва успел увернуться. Впрочем, кроме интуиции в деле поучаствовало и «удачное стечение обстоятельств»: выстрели возникший за спиной человек из лучевого оружия или из пороховика, Чжену точно бы не повезло. Но злодей решил использовать электромагнитный игломет, и его выдал тончайший звук генератора, резанувший по ушам за мгновение до выстрела.

Стол, кресло, часть стены в мгновение ока превратились в мусор и пыль. Чжен бросился на пол, перекатился к дивану и что было сил крикнул: «Свет!» По множеству причин это можно было считать весьма рискованным поступком, но размышлять Линфаню было некогда, он действовал «на подкорке». Да, использовать обычный свет в перестрелке с иглометом казалось полнейшим бредом, но Линфаню ничего иного не оставалось, яркий свет мог хотя бы на мгновение сбить нападавшего с толку.

Свет вспыхнувших на полную катушку (программа управления квартирными приборами ориентировалась на громкость приказа хозяина) галогенных ламп действительно заставил незнакомца замешкаться, сделать шаг назад и выстрелить наугад. Залп тончайших, но летящих с невообразимой скоростью игл пропорол толстую стену из пластобетона, словно это была бумажная ширма. Человека такая «короткая очередь» могла перерубить пополам в мгновение ока.

Чжен нащупал упавшую рядом «камеру-очки» и, чтобы отвлечь внимание временно ослепшего, но не оглохшего врага, бросил «трансформер» на диван, а сам метнулся к пролому. И снова – сообразил, что делает, Линфань гораздо позже, когда обнаружил, что стоит снаружи на узком карнизе, прижавшись спиной к стене.

Вряд ли в старшем менеджере торговой фирмы вдруг проснулись скрытые таланты или навыки, помещенные в его голову некими таинственными силами. Даже не вряд ли, а ничего подобного. Линфань был слишком молод, чтобы, допустим, иметь в биографии белые пятна – затертые воспоминания о каком-нибудь военном или шпионском прошлом. И в «игры-стрельялки» он тоже играл достаточно редко и лишь на тренировочных уровнях. То есть ни по

собственной воле, ни помимо нее почерпнуть специальные навыки ему было неоткуда. Скорее всего, дело было в другом. В экстремальной ситуации люди частенько открывают в себе скрытые таланты. Кто-то прыгает на три метра вверх или пробегает стометровку за восемь секунд, кто-то решает сложнейшие логические задачи. Девяносто девять процентов, конечно, наоборот, цепенеют и тупеют, но один процент все-таки остается в условном «плюсе», потому что рефлекторно бросается бежать. Причем очень быстро.

Получалось, Чжену Линфаню повезло попасть именно в этот процент. Вот только вопрос – что делать дальше?

Ладони вдруг стали мокрыми, а сердце отчаянно заколотилось – сильно ударяя изнутри то в грудь, то в спину, как пойманная в клетку птица. Чжен даже испугался – не оттолкнет ли бунтующая в груди мышца все его похолодевшее тело от стены настолько, что он не сумеет удержать равновесие и сорвется с карниза.

Ноги осторожно начали движение влево, и Линфань вдруг вспомнил, что на углу здания, как раз там, куда он движется, есть балкон. Двумя этажами ниже, но что такое два этажа? Если сравнивать с сорока двумя, отделяющими его от асфальта в данную минуту, – мизер. Решение довериться «подсознательным талантам» было, похоже, единственно верным.

Оставалось сообразить, как быть с высунувшимся в дыру врагом? Насчет него у подсознания особого мнения не нашлось. Зато нашлось оно у заработавших наконец мозгов. Дыра была слишком узкой, чтобы довольно крупный убийца мог в нее пролезть или хотя бы высунуться по пояс. Он мог просунуть или голову или руку.

«Чего в принципе достаточно. Высунет руку с иглометом и полоснет вдоль стены. Что еще нужно? Ему – ничего. А вот мне – пошевеливаться».

Ноги зашаркали по узкому карнизу вдвое быстрее. Хорошо, что Линфань, довольно опытный пилот-любитель, не боялся высоты. Иначе могло получиться, что врагу и не потребует стрелять.

Балкон был в каких-то полутора метрах влево и семи вниз от Линфаня, когда киллер наконец принял решение и высунул в пролом руку с иглометом. Медлить было нельзя. Чжен оттолкнулся от стены и полетел вниз. Почти в ту же секунду кусок стены с карнизом взорвался, и следом за Чженом полетел дождь из бетонно-пластикового крошева.

Линфаню удалось верно рассчитать траекторию, и мимо балкона он не пролетел, но это не избавило его от «жесткой посадки». В левой лодыжке что-то отчетливо хрустнуло, и Чжен завалился набок. Завалился и примерно на десять секунд замер, «предвкушая» приступ дикой боли в сломанной ноге.

«А ведь мог убежать, мог! Далеко ли – неизвестно, да и зачем бежать, если обречен, – тоже вопрос. Но сам факт все-таки греет. Мог обмануть профессионального убийцу, хотя и не супергерой из компьютерной игры! Но судьбу не обманешь. Человек с иглометом сейчас спустится на два этажа по лестнице и завершит свое черное дело».

Прошли долгие десять секунд, но никакого приступа не случилось, и Линфань был вынужден подняться. Наступать на левую ногу было немного больно, но и только. Судьба, похоже, давала еще один шанс. Чжен толкнул балконную дверь, а когда она не подалась, навалился плечом и вломился в чужую квартиру. Кто в ней проживает, Линфань не знал. На сорок первом он вообще никого не знал. Он и на своем этаже общался лишь с соседями из квартиры напротив. Но сейчас это все было не важно.

«Извините, что разбудил, я ваш сосед-лунатик с сорок третьего. Вот вышел погулять по карнизу и сорвался. Можно я воспользуюсь вашей входной дверью и вернусь к себе на лифте? Да, лезть обратно по стене будет слишком прохладно. Ночь, знаете ли, а я в одной пижаме. Спасибо, что не отказали!»

Линфань невольно усмехнулся. Ничего этого не будет. Объясняться он ни с кем не собирался. Проснутся, испугаются – тем хуже для них. Вряд ли Чжен Линфань с ними еще когда-

нибудь увидится, так что – плевать. Стараясь все-таки не шуметь, Линфань прокрался в прихожую, открыл входную дверь и выглянул на лифтовую площадку. Там было пусто. Кабины тоже не двигались. Имелась опасность, что враг воспользовался пожарной лестницей и сейчас неслышно крадется по ступеням, так что стоять и ждать его на пороге чужой квартиры было глупо.

Чжен подбежал к лифтам и нажал кнопку вызова. Ближайшая кабина, как и следовало ожидать, находилась всего двумя этажами выше, поэтому прибыла почти мгновенно. Линфань запрыгнул в лифт и торопливо набрал нужные цифры. Семерку и ноль. Почему он вдруг решил ехать вверх, на крышу, а не вниз – снова вопрос к подсознанию или, если угодно, к интуиции.

«Флаер! – осенило Линфаня. – Мой единственный шанс сейчас – это летающая машина! Вот почему я поехал на крышу. Да что же со мной происходит, почему я соображаю медленнее самого себя?! Кошмарный сон какой-то! Или... игра? Нога! А вдруг она не болит, потому, что это все происходит в виртуальности или даже во сне?!»

Обычно, если сомневаешься в реальности происходящего, помогает простой способ – надо сделать что-нибудь невозможное. Например, пробить рукой стену. Хотя логичнее за эту руку себя просто ущипнуть. Линфань выбрал последнее. Стало больно. Не так чтобы очень, но все-таки. Однако сомнения не исчезли.

Лифт раскрыл створки на парковочном уровне, и Чжен бросился к своему флаеру. Машина стояла в пятом ряду, метрах в ста от лифтовой площадки. Освещение на стоянке было аховое – четыре фонаря по углам крыши, но его хватало, чтобы безошибочно определить – почти новый (всего-то годовалый) «Хафей» стоит на месте, в полной готовности к полету, и никаких лишних людей поблизости от него нет. Вперед!

Первые пять секунд и сорок метров забега Линфань был почти уверен, что мчится к свободе. На шестой ноге снова перешли в «автономный режим» и почему-то понесли к резервной посадочной площадке, где обычно дежурили такси.

«И это снова верное решение! – пришло в голову Линфаню. – Если один из преследующих меня неизвестных сумел взломать код замка входной двери, другим ничего не стоит влезть в программу моего флаера. Чем может закончиться полет на неисправной машине, нетрудно представить. От банального крушения до хитроумной блокировки управления с перенастройкой автопилота и, как следствие, доставки меня тепленьким прямо в руки убийцам. А такси – попробуй вычисли! Гениальный ход. Жаль, не я его придумал, а мои ноги! Нет, если это не игра, то я вообще ничего не понимаю в жизни».

Окрепшее подозрение в нереальности происходящего придало Линфаню сил.

«Ведь как еще объяснить, что меня будто бы кто-то ведет? Кто этот засевший в подсознании подсказчик? Игровая программа, больше никому!»

Тревожные сомнения все-таки оставались, и Чжен старался не терять бдительности, но настроение значительно улучшилось. А что нужно для виртуальной победы, как не настрой? Мастерство и опыт тоже, но настрой в первую очередь.

Линфань запрыгнул на площадку и оглянулся. Обычно такси подлетало мгновенно, стоило взобраться на стоянку. Со скидкой на поздний час ждать предстояло до минуты, а быть может, и дольше. Но главное было не ошибиться и не сесть в такси с погашенными бортовыми огнями.

Грузопассажирская «Тянма» спикировала на площадку неожиданно и очень лихо, Чжен даже невольно пригнулся. «Габариты» у флаера горели, фары тоже. Линфань все-таки предвзительно заглянул в салон.

– Последний рейс, – недовольно проворчал пилот, – кроме вас никого. Вы летите, господин?

– Да, лечу. – Линфань поставил левую ногу на подножку и вдруг покачнулся.

Щиколотку пронзила острая боль. Все-таки травма была «настоящей». То есть программа «вдруг вспомнила» о травме и внесла в ход игры поправку. Чжен поморщился и наклонился, чтобы потереть больное место.

В ту же секунду в кабине что-то лопнуло и на спину Чжену шлепнулись теплые ошметки. Линфань, не выпрямляясь, поднял голову. Пилота на месте не было. Это показалось подозрительным, но Чжен все-таки забрался в такси и буквально прополз на переднее пассажирское сиденье. Выяснилось, что пилот на месте, только почему-то прилег на консоль управления. Видимо, демонстрируя неторопливому пассажиру, как устал за день. Дверь за Линфанем автоматически закрылась, но с места флаер не двинулся, так и остался висеть в полуметре над посадочной площадкой.

– Гони! – крикнул Линфань, поворачиваясь к пилоту.

Усталость таксиста оказалось более глубокой, чем думал Линфань. Вечной. Лопнувшим по неизвестным причинам предметом оказалась голова пилота. Чжен лихорадочно провел ладонью по собственному затылку, брезгливо отдернул руку и вытер о штаны. Ошметками, отлетевшими на затылок и спину пассажиру, были мозги погибшего таксиста. Так размозжить череп мог либо дулет из охотничьего дробовика, либо... выстрел из игломета. Линфань рывком выдернул обезглавленное тело пилота из кресла, уложил его между сиденьями и уселся за «штурвал». Панель управления такси ничем не отличалась от обычной (кроме «окошка» счетчика в верхнем правом углу), поэтому со стартом проблем у Чжена не возникло. Они возникли позже, когда флаер взмыл на второй воздушный уровень и набрал скорость. Вместе с мозгами таксиста игольчатые пули «вынесли» приличный кусок лобового стекла, а выстрелы вдогонку, судя по иероглифам автодиагностики, появившимся на объемном экране, серьезно повредили посадочный гравитационный модуль. Получалось, что лететь холодно, а сесть не на что, только на брюхо. Впрочем, и то и другое пережить было можно. Это ведь не очередь из игломета.

Рискуя очоенеть, Линфань поднял флаер на четвертый «скоростной» уровень (транспорт с зажженными бортовыми огнями летел почему-то исключительно по четным воздушным трассам), выжал из машины все, на что она способна, и включил автопилот. Программа такси настойчиво требовала ввести пункт назначения, но Линфань проигнорировал ее бормотание. Он пока и сам не знал, куда летит. Куда-то на север. Благо, воздушные трассы были «запитаны» над всем континентом, и в ближайшие три часа летящему в ночь такси не грозило остаться без энергии и антигравитационной поддержки.

Чжен выбрался из глубокого кресла, переместился в пассажирский салон и втянул туда же тело пилота. В игры с таким качеством проработки деталей он не «погружался» еще никогда. Он даже и не подозревал, что они существуют. Хотя нет. «Волчья яма» из рекламного ролика тоже была очень натуральной.

«Тоже, да не такой. – От тяжелого запаха крови Чжена замутило. – Но не на самом же деле все это происходит! Ночные люди, стрельба, акробатика на балконе, этот труп... если это не игра, то что? Кино? Или все-таки реальность, и я играю со смертью?»

От последней мысли Чжена бросило в жар. Только сейчас до него дошло, что он мог погибнуть в любую секунду, не выручи его загадочная «интуиция». Линфань по-прежнему не мог объяснить себе, откуда у него столько хладнокровия и неосознанной изобретательности, но в целом был готов признать, что для игры ситуация сложилась чересчур пугающая.

«Еще холод этот, боль... и труп воняет, несмотря на сквозняк!»

У Чжена будто упала с глаз пелена. Он вдруг отчетливо понял, что вляпался по самые уши. Рука невольно коснулась груди, и пальцы нащупали под рубашкой «кулончик» с кристаллом.

«Неужели все дело в записи? В каком-то паршивом гигабайте обрывочной информации?! Вообще-то – очень может быть. Такая „бомба“! Попади эта запись в руки федералам, у этих странных ночных людей возникнут крупные неприятности. Наверное, я понял это, еще когда

сомневался, стоит ли копировать запись на кристалл. И тогда же я понял, на уровне подкорки, что ночные люди, если узнают о моем шпионском подвиге, обязательно решат меня убить. Вот почему я и не удивился появлению киллера. Был внутренне к этому готов. Наверное, так. Но что делать дальше? Полиция не поможет, это понятно. Как же быть? Лететь в штаб местного гарнизона колониальной Экспедиции? В местное управление СБЗФ? И там, и там больше половины офицеров – уроженцы Дао. Что, если они тоже замешаны в этих играх с Инь и Ян?»

Сейчас была бы кстати очередная подсказка интуиции, но чутье промолчало. Вместо него свой вариант предложил флаер. Он затрясся как в ознобе и начал терять высоту. Линфань запоздало взглянул на экран и беззвучно выругался. Автодиагностика расширила список претензий до критического, и автопилот принял решение садиться. По мнению программы управления, продолжать полет было опасно. Чжен попытался отключить электронного «перестраховщика» и взять управление на себя, но хитрая программа автопилота не позволила ему этого сделать. «Тянма» нырнула в предрассветные сумерки и, с нехорошим воем промчавшись над темными кварталами Циньдао, жестко приземлилась на самом краю какого-то парка.

От сильного удара, пусть и смягченного аварийной гравиподушкой, Линфань на несколько мгновений отключился, а когда пришел в себя, то понял, что отделался очень и очень дешево. Рухни флаер секундой позже, незадачливого пилота могло размазать по высокой стене ближайшего небоскреба. Крохотный парк расположился буквально на одном гектаре свободного от домов пространства. С другой стороны, упав машина секундой раньше, из Чжена получился бы шашлык, нанизанный на прочные ветви местного аналога «дуба». Жесткая посадка на опушке была, пожалуй, самым большим везением за эту долгую ночь.

Линфань кое-как выбрался из флаера и, покачиваясь, побрел в глубь парка. К месту падения уже спешили люди, в сумерках были видны многочисленные силуэты, но помощи от них Чжен Линфань не ждал. Теперь он знал достаточно, чтобы осмысленно, а не повинувшись интуиции, избегать встреч с ночным народцем.

Чжен был уже на противоположном краю парка, когда по ушам резанул почти неслышимый, но неприятный «призрак звука». В том смысле, что самого звука Чжен не уловил, но был уверен – кто-то или что-то «дует в дудку». Линфань отлично знал, что это за ощущение. Все-таки колледж за плечами. Где-то поблизости надрывался мощный источник ультразвука. Чжен спрятался за дерево и оглянулся. Он не ошибся, несколько пожарных и полицейских машин без мигалок и фар пытались пробиться к месту падения флаера. Плотный поток ночного транспорта серьезно тормозил их продвижение к цели, и служебные машины пытались расчистить себе дорогу с помощью ультразвуковых сирен.

Линфань поморщился и продолжил свой нелегкий путь. То, что ночные люди еще и «слышат» ультразвук, его уже не удивляло. За последние три часа он повидал достаточно странностей, чтобы перестать удивляться. Одной больше, одной меньше... Сейчас Чжену важнее было убежать как можно дальше, пока полиция не сообразила, что к чему, и не начала прочесывать парк.

«Убежать! Но куда?»

Линфань остановился и бросил взгляд по сторонам. Огромные здания, улицы, потоки машин, толпы людей... и ни одного огонька! Чжен попал в самое что ни на есть логово врага. Куда ни беги, рано или поздно останешься без головы.

«Если только не спрячешься где-нибудь до рассвета! Но где? Тут же повсюду одни ловушки!»

Чжен чувствовал, что находится на грани паники. А как все могло замечательно сложиться, не взбунтуясь проклятый автопилот и долети флаер хотя бы до северного побережья! Оттуда рукой подать до коралловой россыпи замечательных островов архипелага Цисин, где пока нет вообще никакой цивилизации и можно прятаться хоть до конца своих дней. Перспек-

тива так себе, но лучше, чем закончить жизнь прямо здесь, на мостовой, и прямо сейчас, так и не дожив до рассвета.

Вселившееся в душу уныние могло обернуться для Линфаня роковой ошибкой, но все обошлось. Отреагировав на новую опасность, опять включилась спасительная интуиция, и ноги понесли Чжена... к ближайшему открытому кафе. Только усевшись за столик под зонтиком и, не глядя на официанта, заказав себе чай, Линфань понял, что этот простой трюк был самым логичным. Кругом враги? Ну и что? А чем ты среди них выделяешься? Тем, что спотыкаешься на ровном месте, поскольку не видишь в темноте? Ладно. А если стоишь или сидишь? Да ничем!

– Закажете что-то еще, господин? – Официант поставил перед Линфанем чашку и маленький чайничек.

– Пока нет.

– До рассвета полчаса, – любезно подсказал официант.

– Не хочу перегружать желудок перед сном, – нашелся Линфань. – Чтобы жар набитого живота не привлек духов страшных снов.

– О, как это мудро, господин! Жар печени и желудка – Ян, а значит, может поколебать Великий Предел и рассердить холодных ночных духов, ведь они Инь. Я запомню ваши мудрые слова и передам их детям. – Официант поклонился и исчез в крошечной темноте под навесом кухни.

Линфань незаметно выдохнул и занялся чаем. Разговаривать с простыми людьми на понятном для них языке якобы «древнекитайских» иносказаний (на самом деле ничего близкого, смешанная с традициями западной культуры стилизация, не больше) Линфань пока не разучился, и сейчас это здорово помогло.

«Есть шанс дождаться рассвета в добром здравии. – Линфань пригубил чай и понял, что с „добрым здравием“ поспешил. – Что это за яд?!»

Едва обуздав рвотный позыв, Линфань задержал дыхание и незаметно сплюнул в чашку все, что успел набрать в рот. Чай был, мягко говоря, странным. Запах вроде бы походил на запах обычного зеленого чая, но вкус... это было нечто невообразимое! Смесь помоев и хлорно-фосфорных химикалий с добавками цианидов, никак не меньше. Чжен повертел чашку, поставил на столик, но тут же снова взял в руку. Не стоило демонстрировать, что обескуражен. В конце концов, эту гадость можно и не пить. Сделать вид, что задумался, уставиться в темноту, на очертания деревьев и спокойно вертеть чашку в руках хоть до полудня. Очень даже правдоподобная мизансцена.

«Слепой в картинной галерее. – Линфань хмыкнул. – Ну почему я проигнорировал сетевые курсы актерского мастерства? Джин Бао сто раз звал с собой, а я все не мог понять – зачем мне эти кривляния. Сейчас не ощущал бы себя полным идиотом. И, кстати, Джин получил должность старшего менеджера на год раньше меня».

Чжен не заметил, как действительно задумался: о потерянном навсегда прошлом, о туманном будущем, и о шатком настоящем.

«Но как могут пить такую гадость эти ночные люди? Пусть они странный народ, но ведь тоже люди. „Упакованные“ линзами ночного видения и слуховыми аппаратами, настроенными на прием ультразвука, сбившие себе биоритмы до „наоборот“ и вколотившие себе в голову новую „национальную идею“... но все-таки они люди! Или я рано решил, что все о них знаю? Но тогда мне следует быть бдительным вдвойне. Кроме всего прочего, они могут оказаться еще и вдвойне хитрыми. Пусть не все, но хотя бы представители власти. Запудрить мозги официанту и обмануть опытного полисмена – это и в обычной обстановке разные вещи, а ночью, получается, вдвое сложнее. Если полиция устроит поголовную проверку, затея под девизом „хочешь что-то спрятать, спрячь на самом видном месте“ может с треском провалиться. Скорей бы рассвет!»

Линфань пришел в себя и вдруг заметил, что вокруг стало значительно светлее и он сидит в кафе один.

«Неужели получилось?!»

Взгляд снова скользнул по парковым деревьям. Народа под их сенью почти не осталось. Чжен обернулся, а затем посмотрел вверх. И на дорогах стало заметно меньше машин, а в очистившемся от флаеров небе наконец засияли редкие предзвездные звезды. Наступало «время Ян»!

«Рассвет, но я до сих пор жив и даже не арестован! Чудеса, да и только!»

Линфань поставил чашку с «ядовитым чаем» на стол, рассчитался, приложив ладонь к сканеру, и, едва не подпрыгивая от охватившей его радости, покинул территорию кафе. Ноги снова будто бы сами понесли его к стоянке такси, но на этот раз Чжен точно знал, куда полетит. Светлое время суток было для него только передышкой. Через десять часов наступят вечерние сумерки, и к этому времени Чжену Линфаню следовало убраться из опасного города как можно дальше. Нет, не на острова. Еще дальше. Вообще с планеты. Это представлялось наиболее разумным решением возникшей проблемы.

От кафе до ближайшей посадочной площадки было метров сто, не больше, и Чжен шел не спеша. С каждой секундой вокруг становилось все светлее, и опасаться ему было вроде бы нечего, поэтому Чжен удивился новому «приступу интуиции» особенно сильно. Ноги развили спринтерскую скорость и за пять секунд домчали Линфаня до флаера.

Таксист номер два был похож на первого, как родной брат.

«Наверное, так и они думают о пассажирах», – мелькнула мысль.

Линфань плюхнулся на сиденье и, буркнув: «В космопорт», выглянул в окно. Причина, по которой сработала интуиция, была простой, как мычание. У ограждения кафе, беседуя с зевающим официантом, стояли четверо полицейских. Как они вычислили кафе? Может быть, случайно или в ходе планомерного «прочесывания» местности. Но почему только сейчас? Линфаня вдруг обожгло. Он расплатился за «отраву» с именного счета!

«Идиот! Надо же было так оплошать! Но почему полицейские продолжают поиск, ведь уже почти рассвело?»

Линфань перевел взгляд чуть правее. Ответ на вопрос оказался, как всегда, предельно прост. У обочины были припаркованы два полицейских авто: одно с зажженными «габаритами», а другое без них.

«Какой же я баран! – мысленно обругал себя Линфань. – Ведь об этом открытым текстом говорили те двое убийц на записи! Я даже сделал для себя вывод насчет того, что люди-Инь и люди-Ян – это единая новая „нация“! Как это могло вылететь из головы?! Женское и мужское начало, тьма и свет, холод и зной – одно не может существовать без другого! Это полюса одного мира, минус и плюс, покой и движение единого Великого Предела! То, что способно навредить одному полюсу, опасно и для другого! Дневные люди для меня не союзники, и свет не спасение. Я теперь враг для всех, для всей их тайной системы! И это значит, что выбора у меня нет. Только убраться с планеты куда подальше. Туда, где живут нормальные люди, а не те, кто предпочитает видеть мир в инфракрасном режиме с ультразвуковым „саундтреком“, и не их „дневные версии“. Куда? Да куда угодно! Главное, чтобы это была планета, где крепки вековые традиции и новые модели колониального общества не имеют никаких шансов. На Землю? Получается, нет. Там „драконы“. Куда же тогда? На Марс? Возможно. Но для начала – прочь с Дао. Немедленно!»

5. Земля, Шанхай, 18 декабря 2196 г.

Если удастся рассмотреть все боевые порядки врага в первую минуту сражения – это глупый враг. Умный враг остается невидимкой долго. Очень умный – до конца. В том, что группа «Омега» имеет дело с умным противником, Вакидзаси не сомневался еще до того, как вернулись из виртуальной разведки полисмены. Теперь, увидев Шанхай собственными глазами, офицер «Кэндо» убедился в том, что противник очень умен. И это было плохо. Но не смертельно.

«Тем интереснее будет партия» – Вакидзаси окинул взглядом просторный зал одной из галерей экспериментального искусства, коих было в избытке вдоль побережья озера Тайху, естественным образом ограничивающего Шанхай с запада.

Командир группы не возражал против довольно длинного и утомительного маршрута, выбранного офицером Вакидзаси. Он лишь попросил уложиться в сутки. Офицер определил для себя срок вдвое короче – до заката. Высадка в толпе отдыхающих на курортном побережье, часовая прогулка по знаменитым галереям (чтобы убедиться в отсутствии «хвоста»), завтрак в ресторанчике и посещение двух-трех минимаркетов с сувенирными имитациями «под высокое искусство» могли отнять немало драгоценного времени, но качество «инfiltrации» стоило и не таких жертв. Вакидзаси точно знал, что делал. Конечно, высадившись ближе к району научных лабораторий в Сучжоу, как предлагал бесхитростный десантник Чижов, можно было сэкономить от трех до шести часов, но даже новейший сверхсекретный челнок-невидимка не мог гарантировать удачной высадки. Шанхай – город мирный, все его системы ПВО официально законсервированы, да и базируются они на морском побережье, но... инцидент с экспрессом доказал, что заговорщики готовы к любому повороту событий и контролируют свою законную территорию очень тщательно. Будет неудивительно, если окажется, что даже сугубо гражданские программы регулировки потоков воздушного транспорта имеют скрытые уровни «двойного», то есть военного, назначения.

Вообще пресловутое «двойное назначение» бросалось в глаза опытному разведчику на каждом шагу. Казалось, такое назначение здесь имела вся электроника, вплоть до пищевых автоматов и детских игрушек.

«А в виртуальности этого ощущения не было, – заметил себе Вакидзаси. – Хотя грубых несоответствий реальности в киберпространстве нет. Очень тонкая работа. Дизайн-маскировка на высоте».

Офицер перешел в смежную галерею и с рассеянным видом прошелся вдоль витрин с образчиками искусства «а-ля Хэфэн». В отличие от произведений родоначальника трэш-стиля, скульптурные «шедевры» учеников оставались в большей степени мусором, чем искусством. Впрочем, судить было не Вакидзаси.

«Да и не о чем тут судить. – Офицер направился в дальний конец зала, к выходу во внутренний дворик комплекса галерей. – Каждый сам определяет черту, после которой мусор превращается в скульптуру и наоборот... Так, сейчас надо собраться. Двери, а значит, очередной сеанс полной дистанционной биометрии... Нихао, сканер! Я Мацуо Тонг, из Лючжоу, пятьдесят восьмого года рождения, хань⁴ по отцу, нихондзин⁵ по матери. Узнаешь?»

Сканер полицейской системы, конечно же, не узнал фальшивого господина Тонга, поскольку такого человека не существовало в природе, а значит, он не упоминался в базах данных, но тревогу система не объявила. Она просто игнорировала шпиона, записав его появление в разряд неизбежных ошибок «сырой» программы слежения. На общую работоспособность

⁴ Хань, ханьжэнь (*кит.*) – самоназвание китайцев.

⁵ Нихондзин (*яп.*) – самоназвание японцев.

системы сбой никак не повлиял, а потому отчета о нем никто нигде не получил. Такой вот простейший фокус. Никаких тебе фальшивых усов, перчаток с чужими отпечатками пальцев и контактных линз. Просто появляется некто, ниоткуда, с нереальной биографией и с солидным счетом в не существовавшем до сегодняшнего утра банке и проходит, как раскаленный нож сквозь масло, через все электронные ловушки и посты. Элегантно и со вкусом.

«А все потому, что даже самые отъявленные негодяи и, казалось бы, никогда не бывавшие на приличных планетах пираты не рождаются плохими. До определенного возраста они находятся в поле зрения государственной электроники, а значит, имеют свое отражение в общей базе данных виртуальности. Пусть всего-то запись о рождении и генетическую карту. Этого достаточно. Только человек „рожденный взрослым“ способен обмануть сканеры, подключенные к Гипернету. Но, чтобы „создать“ такого виртуального человека, требуется слишком долго работать. И не в лабораториях клонирования, а в „лабораториях конспирирования“, например в „Кэндо“. С точки зрения морали, кстати сказать, финт тоже на грани заговора. Но разница все-таки есть. Шанхай замыслил что-то против Федерации, а мы нарушаем некоторые параграфы закона в ее интересах».

Для приличия Вакидзаси обошел вокруг одного из красивейших фонтанов, бьющих во внутреннем дворике, постоял, любуясь игрой его искрящихся струй, и, усмехнувшись своим мыслям, направился к широким воротам, открывающим путь к целой россыпи мелких ресторанчиков.

Усмешка офицера была адресована не создателю фонтана, а довольно странной фантазии, нехарактерной для мыслящего преимущественно по существу офицера «Кэндо». Вакидзаси вдруг представил, что будет, если на Землю явятся захватчики, не имеющие виртуальных отражений в киберсферах планет и в Гипернете. Если им хватит ума не открывать шквальный огонь с ходу, если они догадаются потихоньку высадиться и смешаться с толпой, ни одна электронная система безопасности просто не сумеет их идентифицировать. Рассредоточившись по планете, они в два счета захватят важнейшие стратегические объекты и наутро объявят ничего не подозревавшему человечеству, что оно покорено. Это будет шок покруче «гейм-штопора», но искренне удивятся произошедшему далеко не все.

«В первую очередь не удивимся мы, а во вторую – те, кто выпускал в обращение программы безопасности с такими очевидными, вопиющими, зияющими „дырами“. Конечно, тратить миллиарды на предупреждение инопланетной оккупации – глупо, но ведь реальны и более правдоподобные угрозы. Например, угроза проникновения на „чистые“ планеты людей, рожденных в глубоком космосе, на заброшенных рудниках Грации например, или космических волков вроде „серых старателей“, давно и крепко забывших, что такое регистрация в Гипернете. Шанс ничтожен, посудины этих бродяг не смогут войти в Солнечную систему ни по одному маяку, ни за какие деньги (а если войдут – их тут же отстрелят „охотники“ из Патрульной полицейской армии). И все же... дырой в программе воспользоваться можно, значит, рано или поздно кто-то ею обязательно воспользуется».

Вакидзаси прошелся вдоль длинного ряда ресторанчиков, остановился напротив самого невзрачного, но заходить не стал. Притормозив у дверей заведения, он сделал два шага в сторону и растворился в толпе. Простейший прием, но срабатывает безотказно. В случае разбирательств найдется как минимум десять свидетелей, «видевших», что турист вошел в ресторанчик.

Вообще-то офицер не любил менять планы по ходу пьесы, но сейчас это было необходимо. «Высидивать паузу» в ресторанчике стало опасно. Как ни старался разведчик превратиться в невидимку, удалось ему это лишь наполовину. Электроника его действительно потеряла, но кроме нее кругом было полно живых соглядатаев, которые вели себя так, будто что-то подозревали. Необязательно их насторожил одинокий турист – в типичной китайской толпе мог затеряться даже полк одиноких туристов, причем негров... что уж говорить о Вакидзаси –

но все равно и полисмены, и люди в штатском вели себя так, будто им объявили «оранжевую» тревогу. Рыскать они не рыскали и в глаза встречным не заглядывали, но, даже просто стоя во всех подворотнях, они видели предостаточно.

Офицер мысленно проложил маршрут и рассчитал время так, чтобы миновать самые «узкие» места под прикрытием яркой и шумной толпы девиц, по виду – студенток-первокурсниц. Тоже известный прием. И тоже безотказный. Теплый ветерок играл с шелковыми одеяниями, то и дело пикантно обнажая ножки выше разумных границ, а иногда и груди, и развевал распущенные по последней моде волосы девушек. Никакой нормальный мужчина, будь он самым суровым полицейским, не смог бы оторвать взгляд от такой картины. Под радостно щебечущим прикрытием Вакидзаси спокойно прошел до стоянки флаеров и не без сожаления сменил маршрут. Не потому, что ему так понравились студентки, дома офицера ждали любимая жена и две дочери возраста примерно, как эти щебетуньи, просто оставаться без удачного прикрытия было неуютно. С другой стороны, именно в относительно свободной от народа посадочной зоне офицер смог убедиться, что его подозрения не плод воображения, а реальность. Полиции кругом было слишком много, и вели себя законники очень настороженно.

Разведчик спокойно прошел мимо очередного патруля и направился к свободному аэротакси. Дверца роскошного и немного чопорного «Вейчжи-500» приветливо отъехала в сторону, а огромное «кожаное» кресло выплыло навстречу пассажиру. Вакидзаси уселся в кресло и кивком обозначил, что готов к полету. Кресло заняло свое законное место, дверца закрылась, и перед носом у разведчика «всплыли» иероглифы стандартного приветствия. Транспортная компания «Хунцы» выражала безымянному господину благодарность за то, что он воспользовался ее услугами, и просила назвать конечный пункт путешествия.

Озвучивать свои планы разведчику не хотелось, но, судя по стущающимся «тучам», выбора у него не было. Трое полисменов, о чем-то посоветовавшись, покинули свой пост и неторопливо двинулись к стоянке, причем явно забирая влево, туда, где завис «Вейчжи» с подозрительным туристом на борту.

– Сучжоу, Большая технологическая выставка, – подчеркнуто спокойно сказал офицер. – Главная аллея.

Флаер плавно поднялся в воздух и ловко вклинился в транспортный поток. Спустя минуту флаер летел уже по седьмому уровню, то есть почти в километре над землей, быстро скользя по прохладному декабрьскому небу на северо-восток. Автопилот вел машину безупречно, и все-таки сейчас Вакидзаси предпочел бы сидеть в кресле аппарата попроще, например в кресле «Тофорда» с живым таксистом за штурвалом. В любой стране, на любой планете именно этот контингент граждан был самым надежным источником оперативной информации. А вот с бортовым навигатором особенно не поговоришь.

«Остается полагаться на собственные возможности. – Офицер взглянул в окно. – А их как раз и не хватает».

Увидеть что-либо за мельтешением попутного транспорта и потоками флаеров на нижних уровнях было нереально. Для обычных туристов такой проблемы не существовало – включи виртуальное отражение, и сможешь увидеть землю как бы «сквозь» все эти помехи, но разведчику требовалась именно реальная картина, а не нарисованная компами идиллия.

«Не нарочно же этот флаер забрался так высоко! – Вакидзаси покачал головой. – Пахнет паранойей, господин Тонг. То, что полицейские косилась, как на шпиона, не означает, что они действительно что-то заподозрили. Хотя все возможно. Грайса и Люси они „прокачали“ еще на борту самолета, задолго до прибытия в Шанхай. Головастого народу в Китае много. В Шанхае – больше всего. В общем, гадать не о чем. Приземлимся, будет видно».

Флаер начал медленно снижаться, и офицер, как ни странно, успокоился. Момент истины был не за горами, а значит, следовало выбросить из головы все лишнее и сосредоточиться.

У гигантских, более трехсот метров в высоту, красных ворот, увенчанных крышей, похожей на крышу пагоды, и «охраняемых» золотыми драконами (с египетскую пирамиду каждый) по бокам, «шпиона Тонга» никто не поджидал. Полицейских здесь, в самом центре Сучжоу, расхаживало еще больше, чем на курортном побережье, но и работы у стражей порядка было втрое больше. Расположенная по ту сторону символических ворот Технологическая выставка считалась обязательным пунктом любой туристической программы. Миллионы зевак водили хороводы вокруг ворот, надолго зависали внутри золотых драконов, глаза на смоделированные в этих необычных павильонах объемные макеты участков освоенных миров. Ахая от удивления, они бродили по аллеям, галереям и залам, засматриваясь на новинки техники и голограммы перспективных разработок. Уследить за порядком в такой толчее было очень непросто. Уследить за «шпионом-невидимкой» – непросто вдвойне, пусть полицейских тут топталось в десять раз больше, чем на берегу озера Тайху.

«В десять? – Вакидзаси незаметно оглянулся. – В двадцать, не меньше. Плюс электроника, спутники и воздушная полиция. Слишком много. Все-таки слишком. И это не паранойя. Почему? Да хотя бы потому, что самый плотный заслон полиция устроила на западном направлении. Дорога, ведущая к Шанхайскому научному центру, практически перекрыта патрулями и техникой. Придется сделать крюк, зайти с юга, со стороны площади Саibaо».

Чтобы по-прежнему не выделяться из толпы, Вакидзаси поддался общей тенденции и поплыл в людском потоке напрямик к левому павильону-дракону. От его затейливо изогнутого хвоста (издалека казалось – из-под него) начинался движущийся тротуар, проходящий не по аллеям, а по периметру выставки. В рекламных роликах говорилось, что, путешествуя на этой транспортной ленте со скоростью пешехода, можно обогнуть выставку «всего-то» за двадцать часов.

«Интересно, приходила ли кому-нибудь в голову идея проверить это рекламное обещание? Двадцать часов на ногах... экстремальный туризм, да и только».

Вакидзаси ничего проверять не собирался. До площади Саibaо тротуар должен был доставить его минут за двадцать. Оттуда открывался еще один маршрут подхода к объекту, менее людный, но тоже вполне надежный – по пешеходному тоннелю, проложенному по дну искусственного канала. Возможно, когда-то этот тоннель был построен с целью скрытного передвижения секретных сотрудников ШНЦ, но в последние двадцать лет им пользовались в основном рядовые граждане, чтобы сократить путь до прилегающих к территории ШНЦ фруктовых парков, излюбленного места отдыха шанхайцев.

Кроме того тоннель, сделанный по всей длине из стеклопластика, пришелся по душе уличным артистам и художникам. Колышущаяся над головой десятиметровая толща воды почему-то вдохновляла их на создание шедевров. Среднее количество бредущего по прозрачной «трубе» народа было не столь велико, как перед красными воротами – не больше полумиллиона человек в час – но и этого вполне хватало, чтобы затеряться и незаметно «вынырнуть» прямо на перекрестке перед главным входом в офисное здание ШНЦ.

Это было единственное отдельно стоящее здание центра. Все остальные образовывали нечто вроде шестиугольника со сторонами длиной порядка километра, высотой в сорок этажей каждая и большим внутренним двором. С офисом «гексагон» соединяли несколько подземных и три «межэтажных» перехода на уровне третьего, двенадцатого и тридцатого этажей. Такова была архитектура объекта, если верить туристическим проспектам. Так ли это на самом деле, предстояло выяснить в ближайшие полчаса.

До площади офицер добрался вовремя и без приключений. Полиции перед входом в тоннель было не меньше, чем везде, но любовь туристов к экзотике и здесь сыграла на руку разведчику. Спрятавшись за спинами восторженных отдыхающих, Вакидзаси преспокойно «ушел на дно» и неторопливо двинулся к заветной цели. Все-таки толпа – это мощная маскировка. Пожалуй, даже лучше густого леса.

– Конитива, господин, желаете заказать портрет? Лазерный карандаш, настоящий уголь, тушь? Недорого, всего-то десять юаней!

Вакидзаси настороженно взглянул на повисшего на рукаве художника. То, что хань признал в туристе японца, было неудивительно, это для европейцев все желтые на одно лицо. Настойчивость рисовальщика тоже не вызвала особой тревоги – конкуренция в «тоннеле искусств» была жесткой; кто смелее, тот и заработал. И одет вольный художник был соответствующе: в какой-то безразмерный балахон и нелепый берет. Смutilо офицера кое-что другое. Человек странно щурился и часто моргал, будто ему в глаза светили прожектора. И это в сумрачном подводном тоннеле! Слепой художник? Что за бред?! Разведчик быстро оглянулся. Полиции поблизости не наблюдалось, значит, художник не был стукачом и не пытался «навести» ищеек на подозрительного туриста. Это хорошо. Но что же тогда вызвало беспокойство? Вакидзаси притормозил, сбившись с шага от внезапной странной мысли. Чтобы убедиться, что все-таки не бредит, он снова бросил взгляд по сторонам. Да, так все и было: больше половины рисовальщиков и примерно столько же «актеров» всевозможных жанров вели себя практически так же, как этот прилипчивый художник. Не в том смысле, что цепляли за рукава туристов, а подслеповато щурились и как-то странно двигались, будто бы сдерживая крупную дрожь в руках и ногах.

«Лихорадка у всех, что ли? – Вакидзаси, с трудом высвободил рукав из цепких пальцев художника. – Или они на наркотиках? В общем-то, логично, у творческих натур с этим делом вечно проблемы».

– Юани выведены из обращения двенадцать лет назад. – Вакидзаси покачал головой. – Не надо, спасибо.

– Федеральные евро тоже сгодятся, – не унимался рисовальщик. – Пять евро! Маслом! Я владею уникальной техникой мазка.

– А не темновато здесь для рисования? – бросил офицер, продолжая путь.

– Не волнуйтесь, господин, я все отлично вижу!

– Мой тебе совет, – офицер притормозил, обернулся и сунул рисовальщику пластиковую банкноту в пять евро, – выберись на воздух, дружище, подыши.

– Спасибо, господин. – Художник понял, что сеанс не состоится, и, хотя получил гонорар «за старания», заметно сник. – Так и сделаю. Только ночью. Позвольте тоже дать вам совет: не ходите туда, вам не позволят ничего увидеть.

– Не понял. – Вакидзаси резко остановился, сдал назад и теперь уже сам крепко ухватил художника за руку. – Что ты сказал?

– Вы идете к ШНЦ, чтобы проверить, насколько он изменился, – негромко сказал рисовальщик. – Не ходите. В лучшем случае, вас сгноят в его подвалах.

– Изменился? – Офицер подтолкнул художника к его рабочему месту. – Идем, идем.

– Уголь, карандаш?

– Пейзаж. По памяти. Каким был ШНЦ... когда?

– Два года назад.

– Отлично. Каким он был два года назад. И второй пейзаж – каков он сейчас. Только без виртуальных прикрас.

– Обижаете. – Художник поморщился. – Ненавижу виртуальность. В Шанхае это синоним вранья. Бессовестного и неприкрытого. Отражение города в виртуальности – сплошная ложь! Я творец, а не лгун. Только... за такие «пейзажи» меня могут убить.

– Никто не узнает.

– А вы пообещаете не ходить к ШНЦ? Если вас схватят охранники, вычислить, кто рисовал для вас картинки, им будет нетрудно.

– Нет, не пообещаю, – отрезал Вакидзаси. – Я пообещаю, что меня не схватят.

– Простите, господин. – Рисовальщик горько усмехнулся. – Но даже мне видно, что вы приехали сюда не просто так. Возможно, вы умеете обманывать электронику, но вам не удастся перехитрить наблюдателей из охраны внешнего периметра ШНЦ. Их глаза так же зорки, как и глаза старого художника. Вычислить, простите еще раз, шпиона им не составит труда.

– Да с чего ты взял, что я шпиону? – Вакидзаси почувствовал, что начинает нервничать. Это было лишним, но взять себя в руки ему никак не удавалось. – Еще никто не подозревал меня в таком чудовищном преступлении. Я обычный турист. А то, что меня интересует ШНЦ, объясняется просто – моя компания желает удостовериться, что созданная ею виртуальная оболочка соответствует действительности. Не знаю, как в Китае, а в Японии за этим следят очень строго.

– Ваша компания создавала программу-отражение для ШНЦ? – В голосе художника звучало явное сомнение. – Допустим, японцы тоже научились делать хорошие программы... будь вы индусом или русским, в это верилось бы больше, но допустим... и все-таки вы тоже лжете, господин. Как и все в этом проклятом городе!

Художник вздохнул и помотал головой. Руки его начали быстро-быстро мелькать над холстом. Работал он действительно уникально: сразу двумя руками, строя рисунок от периферии холста к центру. Вакидзаси даже замер не дыша, настолько заворожила его работа мастера. Не прошло и минуты, как первый рисунок был готов. В приличном цвете и с отличной проработкой деталей он выглядел как очень хорошая двухмерная фотография. Разве что на «снимке» не было людей и в левом нижнем углу стояла не соответствующая текущему времени дата «2194».

Офицер сложил лист с рисунком вдвое и сунул в карман.

– Теперь день сегодняшний.

– Нет. – Художник вдруг захлопнул складной мольберт. – Идите, раз уж собрались, смотрите сами. Вы не были со мной откровенны, и я не чувствую себя обязанным вам помогать.

Он обиженно взглянул на Вакидзаси и отвернулся. Теоретически можно было попробовать его уговорить, но офицер чувствовал, что это не фальшивая поза обиженного «творца», набивающего себе цену. Художник обиделся по-настоящему, и никакие уговоры или посулы тут не помогут, ведь творческие личности – народ сложный и противоречивый. Работают, как и все нормальные люди – за деньги, но не ставят эти самые деньги ни в грош, как ни парадоксально это звучит. Их система ценностей базируется совсем на другом фундаменте, причем у каждого на своем. У кого-то на потребности в самореализации, у этого рисовальщика краеугольным камнем стала честность в изображении окружающего мира и вообще...

«Идеалист! Но делать нечего, придется довольствоваться малым – Вакидзаси снова нырнул в толпу. – А все-таки жаль, что так вышло. Из этого художника мог получиться неплохой агент. „Идейный борец за идеальный мир“. Когда у агентуры имеются убеждения, это большой плюс... и неплохая экономия государственных средств».

После «всплытия» на площади перед ШНЦ офицеру пришлось добрых полчаса пропетлять по закоулкам между множеством мелких лавчонок и стилизованных под частные ресторанчики автоматизированных заведений «фаст-фуда». Трудно с полной уверенностью сказать, для чего перед храмом науки были выстроены эти «естественные баррикады», возможно, чтобы отвлечь туристов, возможно, чтобы прокормить толпу ученых, обитающих за стенами «гексагона», но так или иначе подойти к офису ШНЦ, высящемуся всего лишь через перекресток, оказалось очень непросто. Когда же это удалось, оказалось, что «с грунта» рассмотреть хоть какую-то часть ШНЦ, кроме парадного подъезда офисного здания, почти нереально. Вид загораживали вспомогательные здания, гигантские рекламные баннеры и сотни подогнанных вплотную друг к другу светящихся вывесок мелких фирмочек и конторок, расположившихся между домами вокруг ШНЦ.

Вакидзаси даже невольно усмехнулся. Противник вызывал у него все большее уважение. Так замаскировать огромное сооружение было по силам только серьезным «игрокам в заго-

вор». Сто к одному, что здания вокруг центра были построены исключительно в качестве прикрытия.

«А может быть, и не только. – Вакидзаси присмотрелся к домам повнимательнее. – Возможно, это вовсе не типовые пластиковые коробки на железных рамах, а нечто более прочное. Слишком уж они грамотно расположены, как... дополнительная крепостная стена!»

Офицер прошел вдоль одного из домов, попытался проникнуть во двор (безуспешно), вернулся на улицу и продолжил путь, незаметно снимая на автономную камеру все, что попадает на пути. Пройдя километра два по петляющим, но явно ведущим вокруг ШНЦ улочкам, Вакидзаси выбрал подворотню потемнее и поуютнее, повернулся к вечной шанхайской толпе спиной и вызвал по секретной линии витающего где-то «в облаках», а точнее – в стратосфере, Чижова.

– Дело дрянь, – выслушав короткий рассказ офицера, сказал Чижов. – Дома вокруг центра – это явно не гражданская архитектура, тут ты прав, самурай. Это фортификация, наружный периметр, как вокруг военного объекта. И вот эти дули, прикрытые рекламными голограммами, – стопроцентно военные объекты, вроде дотов. Заметь, как они расположены – идеальные сектора обстрела, да еще с взаимной подстраховкой. Ни одной мертвой зоны.

– Еще есть... «дули» на крышах, только другой формы. – Вакидзаси указал на верхнюю часть кадра. – Снизу плохо видно, но...

– Их нетрудно узнать и в этом ракурсе, – уверенно сказал Чижов. – Это электромагнитные пушки. Применяются против десантных челноков и других бронированных целей. Покажи, что там еще.

– Справа, кажется, ракетные комплексы и локаторы.

– Ну, с ракетами понятно, – задумчиво сказал Чижов. – Оружие простейшее, зато дешевое, и если уж попадет в цель, то самое эффективное. Это ракеты «земля-земля» и «земля-море», все местного производства. А вот с локаторами, похоже, загвоздка. Диспетчерские купола расположены в стороне, да и выглядят их радары иначе. Эти смахивают на «глушилки», но зачем крепости два десятка башен с постановщиками радиопомех?

– Это ты мне скажи. – Вакидзаси усмехнулся. – Ты же майор ВКС.

– А-а, понял, – сообразил Чижов. – Эта группа «локаторов» предназначена не для обнаружения целей и не для постановки помех, это боевые комплексы с фазированными антенными решетками, думаю, модификации «ФАР-32», для создания «пятен» СВЧ-излучения и неравновесной плазмы на больших высотах. Фактически это еще один уровень ПВО. Seriously подготовились. Десантом с орбиты эту цитадель не взять, только разбомбить. Посмотри на левую часть офиса, туда, где как бы площадка для служебных флаеров. Видишь, несколько машин «на приколе»?

– Да. И что это в действительности?

– Муляж. Так обычно маскируют старые добрые лазерные пушки. Первое средство против любой «баллистики» и наземных целей. Ну и конечно, в стенах имеются замаскированные ракетно-орудийные порты – это ряд зеркальных «окон» на уровне тридцатого этажа, а ниже совсем уж архаичные, но необходимые в ближнем бою пулеметные гнезда – весь третий этаж. Похоже, эти «пояса безопасности» идут по всему периметру цитадели. Крепкий орешек, нечего сказать.

– Если ШНЦ превращен в неприступную крепость, этому должна быть очень весомая причина. – Вакидзаси покачал головой. – Очень весомая.

– Согласен, офицер, но сейчас мы с тобой ничего не поймем. Надо мозговать всей группой. Отходим?

– Пожалуй. Место встречи прежнее. Думаю, успею за час.

– В такой-то толчее? – усомнился Чижов.

– Вечереет, туристов скоро станет меньше... хорошо, полтора часа. Посадочная площадка на крыше представительства «Накамичи» в Уси.

– Помню, помню, – проворчал Чижов. – Небоскреб в островном стиле. Японская капля в китайском море. Буду там через пять минут. В отличие от тебя. Удачи!

Повторно брать работа-такси разведчику не хотелось, но летающих машин с живым водителем в «технологической Мекке» было не сыскать по определению. Разве что подвернется наземная повозка. Вакидзаси оглянулся. Поток наземного транспорта наполовину состоял из белых в желтую полоску «кэбов», но двигалась вся эта колесная металлопластиковая масса очень медленно, как объевшаяся гусеница по капустному листу. С такой скоростью до Уси было не добраться и к утру.

– Садитесь, господин. – Из окошка ближайшего автотакси выглянул водитель. – На колесах все равно быстрее, чем пешком.

– Но медленнее, чем на аэротакси. – Вакидзаси покачал головой.

– Вы думаете? – Шофер хитро подмигнул. – Вечер близко, но пока не наступил. Я могу проехать там, где ездят в темноте. Это будет почти так же быстро, как флаером, но вдвое дешевле.

– В темноте? – уцепился Вакидзаси. – Что это значит?

– Садитесь, увидите, – понизив голос, сказал таксист. – Время идет, темнота наступает. Еще час, и я не смогу там проехать.

– Там? По каким-то особым улицам?

– И улицам, и уровням. – Водитель вовсе перешел на шепот. – Куда вы хотите попасть?

– В Уси... восточный район.

– А-а, в японский квартал, я так и думал. – Парень уверенно кивнул. – За час успеем.

Разведчик уселся на задний диван просторного «Ченфенга» и мельком осмотрелся. На «подставу» вроде бы не походило. Типичный таксомотор, да и водитель не похож на полицейского осведомителя, хотя частенько именно так и бывает: стучит тот, кто вне подозрений. «Срисовать» и «отследить» иностранца, да еще при этом заработать сверх полицейского жалования – неплохая перспектива. Вакидзаси мысленно сделал зарубку – не расслабляться, и все будет в порядке. Господин Тонг, наполовину японец, едет навестить друзей в японском квартале. Кого конкретно? Чарли Сакагучи и Хиронобу Горо, менеджеров «Накамичи электроникс».

«Но это легенда на крайний случай. А пока следует задать пару вопросов таксисту».

– А чем отличаются особые улицы и уровни от простых?

– Да ничем. – Таксист пожал плечами. – Просто ближе к вечеру на них становится не так много машин. Почему – не знаю, просто подметил. И народу вечером там поменьше толпится. Зато ночью... как днем! И машин, и людей. Я в ночную смену давно не работаю, фирма запрещает, но однажды засиделся в баре до полуночи и по пути домой забрел на такую улочку. Глазам не поверил! Темень, а народу вокруг, как днем на техновыставке. И хоть бы один споткнулся!

– Может, у тебя в глазах двоилось?

– Даже если так, – рассмеялся таксист. – Все равно много было людей. Раньше я такого не видел. А ведь Шанхай уже лет сто, как перенаселен выше крыши. Когда совсем стемнеет, сами увидите...

На дисплее машины загорелся какой-то иероглиф – Вакидзаси из-за плеча водителя не рассмотрел какой, – и таксист умолк на полуслове.

– Что увижу?

– А? – Шофер обернулся и взглянул на пассажира с заметным опасением. – Нет, ничего.

Ответил он невпопад, да еще с подозрительными нотками паники в голосе. Таксист будто бы получил от кого-то предупреждение, что с клиентом лучше не откровенничать, и теперь

лихорадочно соображал, на какое наказание успел наболтать. На отсидку или на расстрел? И что сделать, чтобы все исправить?

Вакидзаси понял, что следует упредить возможные попытки таксиста вернуться в стан лояльных местным властям граждан. Офицер наклонился к самому уху водителя и негромко, но твердо сказал:

– Только не вздумай вернуться на обычную трассу.

– Меня... семья ждет, господин, – почти взмолился шофер. – Без меня они пропадут!

– Кого ты испугался? От кого пришло сообщение?

– Я... не знаю... этого никто не знает! Но все, кто попадает в их лапы, – исчезает!

– Почему в лапы? – удивился Вакидзаси.

– В народе их называют «золотыми драконами», – шепотом сообщил таксист. – Я не знаю почему. Они предупредили, что скоро начнется темное время и меня могут арестовать. Простите, господин, я не рассчитал свои силы. Я забыл, что день становится короче. Еще неделю назад я проезжал здесь в это же время совершенно спокойно, но сегодня...

– Прекрати причитать! – строго сказал Вакидзаси. – Почему ты так уверен, что предупреждение послали «золотые драконы»?

– Я просто знаю это... и оно пришло по закрытой линии. Ею не может воспользоваться никто, кроме моего хозяина, полиции...

– И «золотых драконов», – закончил офицер. – Интересно. Но ты меня не разжалобил. Учти, если *ты* свернешь на обычную улицу, я сверну тебе шею.

– Не надо, господин! – Таксист втянул голову в плечи. – Я маленький человек, я просто зарабатываю на жизнь!

– Тем более не жалко, – жестко закончил Вакидзаси. – Единственное, что могу пообещать, – умрешь мгновенно, без боли.

– У меня семья! Не надо!

– Тогда продолжай зарабатывать себе на жизнь. Ставка – тысяча евро. Или смерть. Выбери.

Таксист обреченно, вздохнул и заставил машину прибавить. Такси вылетело на виадук третьего наземного уровня, протянувшийся почти до окраин Уси, и помчалось наперегонки с подминающей город темнотой. Несмотря на высокую скорость, Вакидзаси отлично видел, что происходит за бортом. Картина была по меньшей мере странной и абсолютно не соответствующей виртуальному отражению – офицер на несколько секунд вошел в виртуальность и проверил этот факт, как говорится, на месте. В киберпространстве все восемь транспортных уровней между Сучжоу и Уси были прекрасно освещены и заполнены машинами. В реальности освещение работало только на четных магистралях. На нечетных уровнях, а также в переулках и дворах под ними было темно. Однако народу в темной части города не становилось меньше. Вакидзаси направил автономную шпионскую камеру вниз и максимально увеличил изображение. Казалось, что людей на темных улицах постепенно даже прибавляется.

«Что это за причуды? – Офицер поднял взгляд вверх. По темнеющему небу, как и в светлое время суток, скользили тысячи флаеров, но почему-то лишь половина из них летела с включенными бортовыми огнями. – Экономия энергии? Забота правительства о людях, которые желают выйти подышать перед сном и полюбоваться звездным небом, которого не увидишь в круглосуточно освещенных городах? Версия, но... в Шанхае официально проживает сто миллионов – неужели все (пусть даже половина!) любители прогулок и астрономии? Вряд ли ради меньшего количества граждан мэрия Шанхая стала бы затевать такой странный эксперимент. К тому же неясна роль „золотых драконов“, если, конечно, это не досужая городская легенда. Зачем они заставляют обычных граждан покидать ночные улицы, пугая суровым наказанием? И для кого они освобождают город на ночь?»

Фактов было вроде бы много, но ничего конкретного из них не выстраивалось. Не побродив в ночной толпе, понять, что же на самом деле творится в Шанхае, было невозможно.

«А побродить, похоже, не удастся. – Вакидзаси заметил, как таксист снова напрягся и пробормотал невнятное ругательство. – Новое сообщение-предупреждение?»

Офицер заглянул через плечо водителя. Сообщение действительно имелось, но теперь оно предупреждало таксиста о каре за неверный выбор клиентуры, а не о грядущем наказании за гонки по темной магистрали. Впрочем, шофер уже и так понял, что с пассажиром вышла накладка. Хорошо, если не убьет. А уж в том, что не заплатит, водитель даже не сомневался.

Далеко впереди замаячили яркие вывески заведений района Уси. К счастью для Вакидзаси, да и для перепуганного шофера, японский квартал располагался на самой окраине города-района. А представительство «Накамичи» было и вовсе крайним зданием в ряду небоскребов делового квартала. Напрягало только одно – по освещенным уровням параллельным курсом мчались как минимум два десятка машин с включенными полицейскими «мигалками», а вокруг небоскреба кружили флаеры с теми же световыми «спецсигналами». То ли полиция вычислила, куда направляется Вакидзаси, то ли просто перекрыла все возможные пути проникновения шпиона в Уси.

«Есть еще вариант – полиция обнаружила челнок на крыше „Накамичи“.

Вакидзаси нервно щелкнул по гейм-порту, активируя экстренный канал связи.

– Вижу, вижу, – ворчливо сказал Чижов. – Зашевелился муравейник. Ты где, если реально? Твое отражение почему-то зависло рядом с ШНЦ.

– Я примерно в трех километрах от небоскреба, еду в такси по третьему уровню.

– Третий? – Майор хмыкнул. – Там же темно! Ладно, самурай, тормози свой драндулет. Будем импровизировать.

– Ты хочешь пролететь между виадуками? – Вакидзаси взял выразительную паузу. – Ты Чкалов?

– Кто? – Чижов замешкался. – Слушай, профессор, не умничай, ладно? Останови машину и выйди за ограждение. Связь не вырубай, навигатор ориентируется как на маяк. Доверься мне, я знаю, что делаю.

– Хорошо.

Вакидзаси хлопнул таксиста по плечу.

– Останови.

– Здесь?! Меня лишат лицензии!

– Мне повторить?

– Не надо. – Таксист резко затормозил и прижал машину к обочине.

– Держи. – Офицер выгреб из кармана все оставшиеся наличные. – Купишь себе новую лицензию.

– Спасибо, господин. – Водитель кисло улыбнулся, но, увидев, какой толщины пачка банкнот, мгновенно взбодрился. – Удачи вам, господин!

– Тебе того же.

Вакидзаси быстро перебрался через ограждение виадука и замер на узком карнизе. Высоты он не боялся, но смотреть вниз сейчас ему не хотелось. Две сотни метров до земли не пугали, но как-то не бодрили.

– Господин! – Таксист почему-то не уехал. – Не надо прыгать! Полиция не сделает вам ничего дурного! Даже если вас посадят в каталажку, это лучше, чем смерть!

– Уезжай! – не оборачиваясь, крикнул Вакидзаси.

– Это неправильно! Не надо, господин! – еще громче заверещал таксист.

– Готов? – вышел на связь Чижов.

– Да.

– Пандус вышел. Шаг вперед, шагом... арш!

Вакидзаси задержал дыхание и шагнул в пустоту...

– Нет! – взвизгнул шофер и, закатив глаза, грохнулся в обморок.

Офицер шагнул еще раз, еще... и «пустота» наконец исчезла, уступив место знакомому интерьеру шлюзовой площадки челнока-невидимки.

Пандус автоматически сложился, отрезав причитания очнувшегося таксиста и все прочие звуки, а восседающий в кресле пилота Чижов показал Вакидзаси большой палец и хлопнул по проекции экрана управления.

Челнок заложил вираж и свечкой ушел в стратосферу. Демпфер корабля почти погасил перегрузки, но до своего кресла Вакидзаси добрался все же с трудом.

– Интересно узнать, за что тебя так полюбил этот бедолага таксист? – усмехнулся майор.

– Стокгольмский синдром. – Разведчик устало потер глаза.

– А-а, понятно. – По лицу Чиждова было видно, что ему ничего не понятно. – Ну, разведал что-то еще?

– Даже не знаю. – Вакидзаси задумчиво покачал головой. – Обдумаю, озвучу.

– Как пожелаешь. – Майор ввел в навигатор нужный курс и развалился в кресле, заложив руки за голову.

– Кстати, спасибо, – проронил Вакидзаси. – Ты подрулил вовремя. И сделал все по высшему разряду.

– Да, пожалуйста. – Чиждов усмехнулся. – Я же не зря набивался в напарники. Опыт не пропьешь.

На этом обмен впечатлениями закончился. До самой базы Вакидзаси пребывал в глубокой задумчивости. Обдумать ему было что, но в первую очередь его заинтересовала довольно странная мысль, вернее – возвращение странной мысли, обдуманной им несколькими часами раньше, еще на побережье озера Тайху.

Офицер вспомнил свои размышления у фонтана насчет «дыры в софте», которая запросто может стать причиной захвата Земли какими-нибудь «неучтенными» в Гипернете чужаками. Может быть, эти мысли были не так уж далеки от истины? Вряд ли в ШНЦ засели пришельцы, но «безопасная тропа в электронном лесу» вполне могла быть сознательно оставлена «золотыми драконами» (то, что под этим названием скрываются заговорщики, – почти бесспорно). Для чего, спрашивается? Кого, куда и зачем они намерены водить этими тайными тропами? Сто процентов – не шпионов в собственный лагерь. Тут Вакидзаси просто повезло. Кого же тогда?

Офицер взглянул в иллюминатор. С запредельной высоты ночной Шанхай выглядел огромным светящимся пауком, дремлющим на краю золотой паутины, протянувшейся в глубь континента. Как и все серьезные пауки, он был терпелив и опасен, но пока не показывал этого никому. Он ждал своего часа.

«Тогда-то все и прояснится, – подумалось Вакидзаси. – Очень умный враг, – это тот, кто не раскрывает позиций и не выдает своих истинных намерений до последней минуты. Шанхай – очень умный враг. Очень».

6. Орбита колонии Дао, 23 ноября 2196 г.

Вечно везти не может. Как бы нам ни хотелось вечно полета в теплом и уютном воздушном потоке, жизнь – это строгая чередность взлетов и падений. Хорошо, если за крупной удачей следует несколько мелких неприятностей, это можно пережить, а вот когда невезение имеет тот же калибр, что и удача, все может закончиться фатально. Сильный порыв бокового или, что совсем плохо, встречного ветра судьбы вполне способен не только вырвать из уютных объятий удачи, но, швырнув на землю, размазать по острым камням.

Примерно в таком направлении потекли мысли Чжена, когда он ступил на палубу ремонтно-перевалочной орбитальной станции «Тайко-7». До избавления от всех проблем Линфаню оставалась буквально сотня шагов. Следовало выйти из терминала прибытия планетарных рейсов, встать на бегущий тротуар, доехать до пассажирского причала и сесть на ближайший транспорт до Марса. Что проще? Но это в случае, если у тебя на хвосте не висит вся полиция Циньдао. Судя по суетливой активности законников, Линфаня объявили в общий розыск, и уйти ему явно не светило. Станция не город, здесь невозможно спрятаться, отсюда некуда бежать. Пока Чжен оставался в толпе пассажиров, ему ничто не угрожало, полиция не хотела устраивать шума, но вечно прятаться за спинами сограждан Линфань не мог. Рано или поздно ему предстояло покинуть терминал, и вот тогда...

Чжен оглянулся. Из терминала было еще два выхода – в сектор ремонтных доков и в багажное отделение. Второй вариант Линфань отбросил почти сразу. Среди нагромождений чемоданов и тележек с полулегальными грузами бессмысленно даже играть в прятки. Выигрывает по определению тот, кто водит. Ведь пробраться на борт какого-нибудь корабля через багажное отделение нереально, бдительные роботы-суперкарго строго следят за тем, чтобы в грузовом отсеке не спрятались «заяц». Для этого у них имеются биосканеры и соответствующие программы. А других путей покинуть багажный сектор не существует. Разве что обратно через вход.

Оставался обширный и затейливый лабиринт ремонтных доков. Тысячи коридоров, основных и вспомогательных отсеков, да и собственно доки предоставляли беглецу массу возможностей. Там можно спрятаться и незаметно пробраться на какой-нибудь готовый к отправке корабль или в крайнем случае просто замаскироваться под рабочего. Устройство станций класса «Тайко» Линфань изучил давно, еще в те времена, когда был вынужден подрабатывать, чтобы, не падая в голодные обмороки, закончить колледж. На одной из таких станций он провел в сумме около трех месяцев – практически все каникулы. Как теперь выяснялось, провел это время он с двойной пользой.

Чжен медленно, чтобы не привлекать внимание шныряющих в толпе ищек, сместился вправо и двинулся к воротам в «ремзону». Обычно двери в служебные помещения не запирались, дисциплинированным пассажирам никогда бы не пришлось в голову прокрасться «огородами» и сесть на лайнер без билета, но замки на дверях все-таки имелись. Вполне возможно, как раз на случай какой-нибудь облавы. И, насколько помнил Линфань, сканеры замков были дистанционными, считывающими физиономические параметры. Понятно, что в базе данных «Тайко-7» физиономия Чжена Линфаня не фигурировала, а значит, запертые двери становились неодолимым препятствием.

«Если все реально плохо и двери заблокированы, то останется сесть посреди зала и дожидаться полицию».

Чжен замедлил шаг и даже невольно задержал дыхание. Двери перед ним автоматически открылись! Линфань шагнул на территорию «ремзоны», и створки за его спиной резко захлопнулись. Чжен обернулся. На фоне двери загорелась надпись «заблокировано полицией».

Похоже, везение все-таки пока не отвернулось от беглеца. Он снова прошел на гребне волны, скользнул по краю и выиграл. Успел пройти очередную отсечку с гильотинными краями ровно за секунду до ее активации!

Линфань привычно взял с полки обязательный в ремонтном секторе комплект выживания, повесил его на плечо и двинулся по «главному полукольцу» – большому коридору, соединяющему все шлюзовые переходы всех доков. Гуляя по «ГП», можно было спокойно выбрать подходящий транспорт и даже договориться с кем-нибудь из экипажа заинтересовавшей тебя посуды (обычно с карго-мичманом) о нелегальном путешествии. Линфаню было не до прогулок, не позволял лимит времени, но выбрать хотя бы из десятка вариантов он мог.

В трех ближних доках стояли корабли с Дао, их регистрационные номера и основные параметры высвечивались над дверями в шлюзовые переходы. Чжен прошел мимо, не задерживаясь. Четвертый док был закрыт на профилактику, а в пятом завис полуразобранный «торговец» с колонии Марта. Поравнявшись с шестым доком, Линфань невольно притормозил. С одной стороны, было безопаснее пройти мимо, но с другой... не к этому ли он стремился? Чжен остановился и бросил взгляд на служебную информацию, «отраженную» справа от входа в шлюзовую коридор. Из отражения в виртуальности можно было почерпнуть гораздо больше сведений, чем из справочной голограммы над дверью. Линфань пробежал взглядом по ровным столбикам иероглифов и написанным федеральной латиницей фамилиям. Да, на планете он не хотел обращаться в местный отдел колониальной Экспедиции, там наверняка нашлись бы шпионы людей-Инь, но здесь-то ситуация другая. Судя по номеру корабля и фамилиям экипажа, этот патрульный рейдер федералов не имел отношения к местному гарнизону Колэкс. Скорее всего, этот корабль прилетел с Терции. Хотя это несложно было проверить.

Линфань развернул ссылку «приписка», и его обожгло изнутри. Главный отряд Колэкс, порт приписки Бьорн, колония Ганимед! Рейдер прибыл напрямик из Солнечной системы, наверное, с инспекцией или «на усиление» в связи с какой-нибудь крупной операцией против «серых» старателей, орудующих на нежилых планетах в системе Дао.

Чжен воровато оглянулся. Удача продолжала улыбаться ему во все зубы, и Линфаня это почему-то расстроило. Наверное, потому что по законам равновесия Инь и Ян за чередой крупных побед должна последовать череда таких же крупных поражений. Чжен предпочитал жизнь в мелкую полоску: узенькие черные, узенькие белые... отойди на шаг – серая, зато спокойная. Но сейчас о предпочтениях его никто не спрашивал. Судьба выкладывала шанс за шансом и пока ничего не требовала взамен.

«Подозрительно и тревожно, но выбора нет. Значит, так тому и быть!»

Линфань еще раз взглянул вправо-влево и шагнул к двери.

– Стой!

Окрик донесся издали, откуда-то со стороны ворот или входа в первый док. Кричали по-китайски. Чжен рефлекторно обернулся на звук и так же рефлекторно прыгнул вперед, в медленно расширяющуюся щель между створками двери шестого шлюзового перехода. Во втором случае рефлексы отреагировали не на звук, а на мгновенную картинку – по «ГП», держа наперевес оружие, бежали полицейские. Открыть огонь им мешали снующие по коридору рабочие и электрокары с запчастями, но фора у Линфаня была минимальной, секунд пять, не больше.

Чжен прикинул расстояние до шлюза стоящего в доке корабля и отчетливо осознал, что прыжок в створ ворот шестого перехода был прыжком с белой полосы на черную. При всем желании он никак не успевал добежать до спасительных внутренних ворот шлюзового коридора за пять секунд. Десять-двенадцать – это реально. Пять – утопия.

Линфань представил, как по спине скачут красные «зайчики» лазерных целеуказателей, и невольно втянул голову в плечи.

Первые выстрелы выбили из стен и пола дымящиеся кусочки окалины, но не причинили Линфаню вреда.

– Стой!

Чжен вновь игнорировал приказ и заметался по просвету коридора, наивно надеясь обмануть стрелков. Второй залп был гораздо точнее первого. Левый бок обожгло. Линфань, непроизвольно взыв от боли, бросился на пол и пополз. Не позволяя беглецу подняться на ноги, полицейские продолжили стрельбу параллельно палубе и медленно двинулись следом за уползающей жертвой.

Все дальнейшее Линфань воспринимал сквозь пелену жгучей боли и как-то отвлеченно, словно это происходило не с ним, а с виртуальным героем жутковатой нелегальной игры...

...Как пишут в романах: ничто не предвещало беды. Корабль инспекторского отдела колониальной Экспедиции был уже почти готов к продолжению миссии. Оставалось дожидаться, когда на борт вернется уволенный до девяти утра личный состав, и можно лететь дальше, но не тут-то было.

Сначала выяснилось, что семеро «отпускников» смогут подняться на орбиту не раньше десяти тридцати: в секторе дрейфа «Тайко-7» ожидалось «ухудшение космической погоды», а если без метафор – прохождение очередного метеоритного облака. Их вокруг Дао вращалось больше, чем реальных облаков в атмосфере запредельно дождливой колонии Лидия, поэтому метеоритная тревога на орбитальных станциях объявлялась не реже трех раз в сутки. В связи с обыденностью явления, задержку можно было и не заметить, однако именно она стала «буревестником» притащившим на гигантских крыльях неприятности гораздо большего масштаба, чем полтора часовая задержка старта.

– Командир, нас атакуют! – На мостик пульей влетел старший помощник командира корабля капитан-лейтенант Уваров. – В главном шлюзовом коридоре стрельба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.